Тетради по консерватизму

ISSN 2409-2517

№ 1 2019

А.И. Солженицын
100 лет со дня рождения

фонд ИСЭПИ
Институт социально-экономических и политических исследований

Альманах

[Февраль 2019 г.]

фонд ИСЭПИ
Институт социально-экономических и политических исследований

Солженицын Александр Исаевич 100 лет со дня рождения

[Февраль 2019 г.]

IN MEMORIAM
Николай Константинович
Гаврюшин
1946 – 2019

Тетради по консерватизму

[№ 1 2019 г.]

Москва
Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ)
2019

В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии
Министерства образования и науки Российской Федерации журнал включен
в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по отраслям
23.00.00 – Политология, 07.00.00 – Исторические науки и археология,
09.00.00 – Философские науки.

Рекомендовано к печати
Экспертным советом Фонда ИСЭПИ

Редакционный совет
Д.В. Бадовский, А.Д. Воскресенский, А.А. Иванов,
М.А. Маслин, Б.В. Межуев, А.Ю. Минаков, Р.В. Михайлов (гл. редактор),
Е.Н. Мощелков, Л.В. Поляков (председатель), С.В. Перевезенцев, М.В. Ремизов,
А.С. Ципко, А.Л. Чечевишников, А.А. Ширинянц.

Тетради по консерватизму: Альманах. – № 1. – М.: Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2019. – 532 с.

Очередной номер альманаха «Тетради по консерватизму» приурочен к 100-летию со дня рождения видного русского писателя, мыслителя и публициста советской эпохи Александра Исаевича Солженицына. О роли и значении мыслителя для своей эпохи, а также о месте А.И. Солженицына в русской мысли в целом, размышляют отечественные и зарубежные авторы.

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77 – 67506.

© АНО «Средство массовой информации
Альманах «Тетради по консерватизму»», 2019
© Некоммерческий фонд — Институт
социально-экономических и политических
исследований (Фонд ИСЭПИ), 2019

Содержание

Л.В. Поляков
Слово к читателю
8

Раздел первый

Солженицын. Личное

В.В. Аксючиц
Мой Солженицын
13

Б.В. Межуев
Молчание и бездействие.
Размышления о политической судьбе Александра Солженицына
27

В.А. Щипков
Номиналистские предпосылки секуляризма и его актуальное значение в России и на Западе
37

Б.Г. Дверницкий
Солженицын – юродивый России
46

А.Л. Казин
Радикализм как выбор: случай А.И. Солженицына
52

А.С. Ципко
Идеология «Русской партии» 1960-х: идейные истоки в русской философии
59

Д.А. Юрьев
Советизм
73

Раздел второй

Солженицын: от Достоевского – в сегодня

О.С. Кругликова, К.А. Шаповалова
Ф.М. Достоевский и А.И. Солженицын: преемственность идей в публицистике
103

Б.Г. Дверницкий
Солженицын и философия русской словесности
118

С.В. Зеленин
Солженицын и Шаламов
131

А.Ю. Закуренко
Метафизика воли у героев Солженицына
159

Ю.С. Черняховская
Политический проект и критика недостатков социалистического строя: А.И. Солженицын vs И.А. Ефремов
169

Раздел третий

Солженицын: патриотическая трагедия

Е.С. Холмогоров
Двенадцатый к «Письму одиннадцати», Солженицын и «Русская партия»: аспекты идеологического соседства
177

А.С. Ципко
Александр Солженицын о неразрывной связи русского патриотизма с антисоветизмом. Основные идеи «Архипелага ГУЛАГ»
221

А.Ю. Минаков
«Двудюжий Шафаревич»
245

С.Ф. Черняховский
Солженицын и страна. Оценка неприятия
253

В.В. Аксючиц
Интеллигенция vs образованщина: родовые болезни русской интеллигенции
260

А.Б. Панченко
Публицистика А.И. Солженицына 1960–1970-х годов в контексте дискуссий о нации и национальном вопросе
276

Раздел четвертый

Солженицын и «Русский мир»

А.С. Ципко
Украинский вопрос в творчестве Александра Солженицына
291

А.Д. Гронский
Александр Солженицын глазами белорусской публицистики
317

И.В. Желтикова, Е.И. Хохлова
А.И. Солженицын о будущем России: особенности видения перспективы из различного исторического контекста
327

Раздел пятый

Солженицын: глобально

Пол Гренье
Легитимные разногласия: необходимость переосмыслить наше восприятие американо-российских отношений
337

А.М. Руткевич
Либеральная демократия vs консервативный популизм
344

М.Ф. Купер
Солженицын и Китай
381

Игумен Виталий (Уткин)
Трансгуманизм: анализ российских публикаций и опыт формулирования задач теологического осмысления трансгуманистических вызовов
409

И.Н. Тяпин
Либеральный тоталитаризм: основания концептуального синтеза
421

В.А. Щипков
Чужой среди «своих»? Несостоявшийся бунт Солженицына
432

Раздел шестой

К столетию со дня рождения А.И. Солженицына?

Заседание Консервативного клуба, состоявшееся в Фонде ИСЭПИ (Ведущий Л.В. Поляков)
439

Раздел седьмой

Сталин сегодня

Заседание Консервативного клуба, состоявшееся в Фонде ИСЭПИ (Ведущий Л.В. Поляков)
487

Участники Круглых столов
531

http://dx.doi.org/10.24030/24092517-2019-0-1-177-220

Егор Холмогоров

Двенадцатый к «Письму одиннадцати» Солженицын и «Русская партия»: аспекты идеологического соседства

Благожелательные по отношению к русскому писателю зарубежные солженицыноведы тратят немало усилий на то, чтобы очистить имя Александра Солженицына от репутации «русского националиста», навешанной на него недоброжелательной западной прессой начиная с выпадов «Нью-Йорк таймс» после первой публикации «Письма вождям».

Нет сомнений в том, что эти исследователи руководствуются лучшими побуждениями – защитить память писателя от клеветы и вернуть его в круг внимания прогрессивного западного читателя. Впрочем, в последние годы, мода на прогрессизм по крайней мере у значительной части западной аудитории проходит, но университетов это еще практически не коснулось. Однако сами эти побуждения актуальны исключительно в рамках леволиберальной академической среды западных стран, где на изучение «националистов», тем более религиозных и консервативных, не сводящееся к их разоблачению наложен, по сути, запрет.

Характерно, что представители тех обществ и академических сред, где понятие национализма не табуировано, пишут о «национализме Солженицына» совершенно свободно, давая порой весьма глубокую характеристику особенностей его политических воззрений, как, к примеру, индийский исследователь Мадхаван Палат:

> «Его национализм, сходный с любым другим, приписывал главенство русским, их государству и культуре на тех территориях, где они обитают; но свое национальное государство он строил по-другому… Его национализм – постсоветский, рассчитанный на исключительно русскую нацию и государство, национализм самоограничительный, без империалистической или экспансионистской подоплеки; по этой причине он был либеральным в международных отношениях, пусть и не вполне либеральным во внутренней политике. Как одновременно славянофил и националист, он отличался и от классических славянофилов, и от типичных националистов» [1, с. 185–186].

Однако западные исследователи 2000-х годов такой свободой, как индийские или современные российские, не обладают. Поэтому они стараются максимально приглушить тона характерного для Солженицына русского патриотизма, который, должен формально квалифицироваться как национализм (хотя сам Солженицын от такого самоопределения периодически отказывался, но далеко не всегда и писал о «строительном национализме» [8, с. 139]).

Подчас это «очищение от национализма» достигается ценой существенного искажения солженицынских идей.

Холмогоров Егор Станиславович, публицист. E-mail: holmogorow@yandex.ru

Матрена против Фаддея.
Был ли Солженицын русофобом и крестьянофобом?

«Одним из наиболее распространенных обвинений, звучащих в адрес Солженицына на протяжении уже многих лет, стал ярлык “русского националиста” да к тому же еще и “крайнего”. Термин этот в высшей степени расплывчат, но недоброжелатели подразумевают под ним склонность к ксенофобии, враждебность по отношению к демократии и агрессивное неприятие окружающего мира. На самом деле все эти качества абсолютно чужды публично заявленной позиции Солженицына, и сам писатель многократно опровергал эти наветы», – пишет американский славист Эдвард Э. Эриксон-мл. [2, с. 67].

Начав с бесспорного утверждения, что «патриотизм Солженицына никогда не подминает под себя моральные принципы» [2, с. 68], через гораздо более натянутое утверждение, что писатель якобы не просто отклоняет, а «развенчивает» идею русской исключительности, исследователь доходит до чрезвычайно вольных интерпретаций литературных произведений Солженицына.

В частности, Эриксон утверждает, что «поначалу упоенный прелестью русской деревни и впечатленный ее патриархальными нравами, он вскоре осознает, что все сельчане, кроме Матрены, – люди корыстные, жалкие с редкими проблесками подлинной морали и что весь внешний уклад русской деревни, так очаровавший его сперва, – не более чем видимость, за которой не стоит никакого нравственного естества» [2, с. 69].

Такое толкование знаменитого рассказа трудно назвать мягче, чем вымыслом. В начале «Матренина двора» нет никакой «прелести русской деревни» и «патриархальных нравов». Напротив, это описание безысходного, враждебного русскому человеку колхозного быта. В конце нет никакого «откровения», что, якобы «все, кроме Матрены» сельчане «люди корыстные и жалкие». Наконец, нет в рассказе никакого разоблачения «внешнего уклада русской деревни», напротив, сохранившиеся с неожиданной полнотой религиозные обряды, в частности – погребальные, описаны с большой теплотой. Попытка счесть описание советского колхозного быта 1950-х общей характеристикой русского этноса грешит тем самым *смешением советского и русского*, от которого неустанно предостерегал западных исследователей Солженицын.

Основной нравственный конфликт рассказа выходит за рамки этнического, приобретая библейскую четкость: хищный Фаддей, живущий по тому принципу, что «*добром* нашим, народным или моим, странно называет язык имущество наше», против праведной бессребреницы Матрены, смысл жизни которой составляет именно *добро* как самоотдача и милость.

Приписывать Солженицыну мнение, что *большинство* русского народа или русской деревни на стороне Фаддея, значит прямо противоречить неоднократно высказанному писателем мнению о русском национальном характере, четче всего отразившемся именно в крестьянстве.

Могут быть разные суждения о социальном генезисе такой фигуры, как Солженицын. Владимир Солоухин считал его таким же плодом прорастания в высокую русскую культуру крестьянских генов, как и Николай Клюев или Сергей Есенин. Выступая на вечере в честь 70-летия Солженицына в клубе Московской чулочной фабрики имени Баумана в декабре 1988-го, писатель утверждал:

> «В России к моменту ее сокрушения, к тому моменту, когда началось подрубание ее корней, кромсание ствола и обламывание кроны, к этому моменту верхний слой российского крестьянства начал активно и плодотворно прорастать побегами в вышенаходящийся слой российской культуры, российской интеллигенции. Есенин, Клюев, Шаляпин, Корин, Соколов-Микитов – не

> единственные примеры. В сущности крестьянами-земледельцами, но уже и интеллигентами были и родители Александра Исаевича Солженицына. И он, родившись в 1918 году, отнюдь не благодаря советской власти, а скорее, вопреки ей, стал тем, кем он есть. Да, гены верхнего крестьянского слоя пришли в движение и начали прорастать в культурный слой народа» [4, с. 58].

Автору данной статьи принадлежит другой взгляд на социальный портрет Солженицына: «Солженицын же был обломком совершенно другого сословия, – уничтоженного большевицкой властью под корень, – русских горожан. Социолог, возможно, употребил бы варваризм “бюргеров”. Это купцы, мастеровые, предприниматели, инженеры – иногда потомственные, иногда едва поднявшиеся сами из сельских низов, как дед Солженицына Захар Федорович, но уже усвоившие этический сплав из прагматизма и честности…

Вадим Цымбурский назвал Солженицына голосом русской Контрреформации “стремящейся вернуть дореформационные ценности новому горожанину, созданному большевистскими десятилетиями”. Те ценности, которые прививал Солженицын советскому горожанину не аграрно-помещичьи, не сельские, а подлинно городские – в противность большевицкой слободизации. Отсюда рационализм, чуждость мистицизму и мечтательной лени, тяготение к тому, что называют “протестантской этикой”, – честность, расчетливость в труде, бережливость (распространенная и на народ – сбережение народа, экономия народных сил). Отсюда симпатия к старообрядцам и протестантам как человеческому типу при отсутствии, в последнем случае, всякого догматического сочувствия к разрушительному духу Реформации.

Солженицын – почвенник, но не “деревенщик”. Он не рос на земле. Решив “затесаться и затеряться в самой нутряной России”, на Матрёнин двор он смотрит все-таки с заинтересованной отстраненностью этнографа. В деталях деревенского быта его учит разбираться крестьянин Твардовский: “если поросенок жирный, то он не жадный”» [5, с. 144–145].

Однако никакого внутреннего противоречия тут нет. По своему воспитанию в Ростове-на-Дону, по самоощущению, Солженицын – горожанин. По своим генетическим корням, своему *наследию,* которое он считает важнейшей категорией при понимании нации, он выходец из русского крестьянства.

Он с очевидной симпатией принимает концепцию Глеба Успенского о «власти земли» организующей душу и характер русского человека.

> «Успенский приводит длинную цитату из Герцена о таинственной силе, сохранившейся в русском народе, которую, однако, Герцен не берётся выразить словами. А Успенский берётся: это власть земли, это она давала нашему народу терпение, кротость, мощь и молодость; отнимите её у народа – и нет этого народа, нет народного миросозерцания, наступает душевная пустота. 200 лет татарщины, 300 лет крепостничества народ перенёс только потому, что сохранял свой земледельческий тип. Это власть земли держала крестьянина в повиновении, развила в нём строгую семейную и общественную дисциплину, сохранила его от тлетворных лжеучений – деспотическая власть “любящей” мужика матери-земли, она же и облегчала этот труд, делая его интересом всей жизни» [6, с. 132].

Вполне определенно такой взгляд на русский национальный характер высказан в «России в обвале», где русское крестьянство предстает как своего рода коллективная Матрена.

> «Говоря о прошлых веках, мы, разумеется, имеем в виду более всего характер крестьянский, то есть подавляющей тогда части народа. Да вот, наглядное:

– доверчивое смирение с судьбой; любимые русские святые – смиренно-кроткие молитвенники (не спутаем смирение по убежденью – и безволие); русские всегда одобряли смирных, смиренных, юродивых;
– сострадательность; готовность помогать другим, делясь своим насущным;
– «способность к самоотвержению и самопожертвованию» Тютчев тоже объяснял православными истоками;
– готовность к самоосуждению, раскаянию – и публичному; даже преувеличение своих слабостей и ошибок;
– вообще вера как главная опора характера; роль молитвы; «Русский человек не способен обходиться без сердечного общения с Богом» (Л. Тихомиров);
Отсюда и пословицы (жизненные правила! законы поведения), подобные таким: Бедность – не порок. Покорись беде – и беда покорится. Больше горя – ближе к Богу. Терпение лучше спасения. И немало подобных, можно выписывать страницами. (Западному уму трудно принять такую линию поведения.)
А ступая в продолжение этого мирочувствия:
– лёгкость умирания; эпическое спокойствие в приятии смерти (Л. Толстой, да у многих русских авторов);
– наконец: непогоня за внешним жизненным успехом; непогоня за богатством, довольство умеренным достатком. Пословицы вроде: Кто малым не доволен, тот большого не достоин. Шире себя жить – не добра нажить» [7, с. 286].

Кроме того, за русским народом Солженицын предполагает следующие характерные черты: «открытость, прямодушие; естественная непринуждённость, простота в поведении (и вплоть до изрядной простоватости); несуетность; юмор, в большой доле; многогранно и выразительно сверкают им русские пословицы; великодушие; «русские – люди непрочной ненависти, не умеют долго ненавидеть» (Достоевский); уживчивость; лёгкость человеческих отношений; «чужие в минутную встречу могут почувствовать себя близкими» (Г. Федотов); отзывчивость, способность всё «понять»; размах способностей, в самом широком диапазоне; «широкий, всеоткрытый ум» (Достоевский); широта характера, размах решений» [7, с. 287].

Перечисляет Солженицын и отрицательные черты русского характера, как они ему видятся, и его противоречия. Изначальные: мечтательность, лень, легкомыслие, склонность к работе «не тяжем, а рывом», неразвитость правосознания, неспособность к объединению сил. Привнесенные историей – церковным расколом, петровскими реформами и большевизмом: пьянство, осатанение в революцию, апатия, «селективный противоотбор», способствовавший «подъему и успеху худших личностей». «Русский характер сегодня – весь закачался, на перевесе. И куда склонится?» [7, с. 294].

При всей спорности самого концепта «национального характера», несомненно, что Матрена для Солженицына – не исключение, не единичный случай, а носитель того, что он считает для русской национальной личности присущей ей нормой.

Использовать указание в «Матренином дворе» на свойства той части тальновских жителей, которые похожи на Фаддея, в качестве *обоснования тезиса о мнимой чуждости Солженицыну русского национализма* – это манипуляция с текстом, ничем не лучшая, чем та, к которой прибегают прокоммунистические критики, обвинявшие писателя едва ли не в русофобии. По своей сути, это одна и та же манипуляция.

«Злые собаки» и «честная палка»

Сходное, хотя и менее грубое искажение перспективы при характеристике отношения Солженицына к русскому национализму допускает и Дэниэл Дж. Махони, пересказы-

вая эпизод из «Бодался теленок с дубом», посвященный разгрому «твардовского» «Нового мира» из-за статьи А.Г. Дементьева «О традициях и народности» (Новый мир. 1969. № 4). В изложении Махони дело выглядит так, что «темноватый», по выражению самого Солженицына, публицист Виктор Чалмаев на страницах журнала «Молодая гвардия» изложил основные идеи национал-большевизма. Солженицын усмотрел в этих статьях сумбурное стремление подтвердить достоинство русских национальных традиций. Писатель был разочарован и раздосадован, что «Новый мир» предпочел дать Чалмаеву ответ с позиций марксизма-ленинизма, полный презрения к традиционному русскому патриотизму.

«Не испытывая ни малейших симпатий к национал-большевистской идеологической каше, Солженицын был не менее далек и от доктринерского марксизма редакторов “Нового мира”. Обыгрывая пословицу, он ярко очерчивает их ошибку: “…Волка на собак в помощь не зови. Даже на злых враждебных собак всё-таки не зови в помощь волка марксизма, бей их честной палкой – а волка не зови. Потому что волк твою собственную печень слопает”. История с Чалмаевым прояснила солженицынское неприятие как доминирующих течений русского национализма, так и фактической остаточной “левизны” оппозиционной интеллигенции в брежневском СССР. “Раскаяние и самоограничение” и есть та “честная палка”, чтобы отгонять собаку национал-большевизма, избегая засушенного атеизма и антитрадиционализма русских интеллектуалов-“западников”» [3, с. 103–104].

Далее американский исследователь выдает Солженицыну своего рода похвальную медаль: «В России Солженицын – самый решительный сторонник умеренного и ответственного патриотизма, он продолжает бичевать и крайне правый агрессивный национализм, и поныне существующий соблазн национал-большевизма» [3, с. 105].

По тем или иным причинам профессор из Массачусетса не захотел разобраться в существе и ходе полемики вокруг статей Виктора Чалмаева, которая привела к удару сусловско-яковлевского агитпропа по обоим спорящим лагерям – «либеральному», представленному «Новым миром» во главе с Твардовским, и патриотическому, представленному «Молодой гвардией».

При этом сам писатель считал свою неожиданную позицию в споре «Нового мира» и «Молодой гвардии» своего рода знамением того исторического поворота, который он совершил в своей духовной и политической биографии, перейдя из положения критика коммунизма по соображениям совести и здравого смысла к статусу защитника русских начал.

> «Мне бы уже не на большевизм тратить усилия, а: как помочь будущей России возродиться, и возродиться чистой? Новые исторические конфигурации складываются много заранее, чем придут в действие. А люди долго ещё не успевают различить их и разобраться.
>
> Однако же что-то я инстинктивно чувствовал. Когда в “Телёнке” в 1971 уделил непропорционально много места спору между “Новым миром” и “Молодой гвардией” – я и сам удивлялся, почему чувствую так необходимым. Но ощутил и выбрал сторону, не сознавая, как этот раскол надолго теперь» [8, с. 136].

Позиция Солженицына в споре между «Новым миром» и «Молодой гвардией» оказалась совершенно неожиданной и могла быть даже воспринята иными как «предательство». Ведь писатель, обязанный «Новому миру» и Твардовскому очень и очень многим, не поддержал «свой» журнал в очень тяжелой ситуации, приведшей в итоге к его разгрому. Он солидаризировался (пусть и не публично, до выхода в свет «Бодался телёнок с дубом» в условиях, когда все споры давно отгремели) с прямыми литературными врагами «Нового мира», мало того – со своими личными врагами. Политический куратор «Молодой гвардии», глава комсомола С.П. Павлов приложил немалые усилия, чтобы сорвать вручение Солженицыну Ленинской премии, заявив, что Солженицын сидел по уголовному делу.

Твардовский по совету Солженицына получил в Верховном суде справку о реабилитации писателя и эффектно огласил ее на заседании комитета по Ленинским премиям. «Секретарю ЦК ВЛКСМ пришлось встать и извиниться» [9, с. 97]. Однако это не остановило войну Павлова против «Нового мира» [10, с. 257–258].

Такие обстоятельства, казалось бы, абсолютно исключали саму мысль о каком-либо сочувствии Солженицына комсомольскому журналу. Ему самому явно неприятна ситуация такой поддержки, и он всячески старается ослабить её значение уничижительными характеристиками: «темноватый публицист», «малограмотные», «смехотворные претензии», «мычание немого»… И тем не менее Солженицын ощущает, что не может в важнейшем эпизоде журнальной полемики 1968–1969 годов поддержать симпатичный «Новый мир» с лично дорогим Твардовским и быть против глубоко несимпатичных «молодогвардейцев», птенцов гнезда личного недоброжелателя Павлова.

Идеологические принципы тут оказываются гораздо важнее личных симпатий. И это тем более существенно, что, как правило, исследователи и мемуаристы разводят Солженицына и «молодогвардейцев», именуемых в последние десятилетия «Русской партией», по разным политическим и литературным лагерям (и не безосновательно). Так, Н. Митрохин считает, что Солженицын и ряд других писателей-деревенщиков «остались вне движения русских националистов, хотя, вероятно, участвовали в некоторых акциях “русской партии», не вполне понимая заложенного в них двойного смысла” [10, с. 403]. В случае реакции Солженицына на статьи Чалмаева и Лобанова ни о каком непонимании, конечно, речи вести не приходится – он отлично осознавал, *кому* и *почему* он сочувствует.

Явление «Русской партии»

Здесь нам потребуется обратиться к широкому культурному контексту эпохи, в которую только и смог состояться и драматически развиваться тот журнальный спор. Это был контекст мощного этнического возрождения русских, которое страна переживала с 1965 года, после смещения Хрущева и окончания хрущевских гонений на Русскую Православную Церковь.

«Переломным можно считать 1965 год, отмеченный двумя принципиальными событиями: создание Всероссийского общества охраны памятников культуры и грандиозное празднование 70-летия Сергея Есенина, еще недавно приравниваемого к Вертинскому. Именно тогда на обложках популярных журналов появились монастыри; в газетах – статьи о пряниках и прялках, истории о том, как Ротшильда потряс Суздаль; в стихах замелькали находки из словаря Даля: бочаги, криницы, мокреть; вошли в моду Глебы, Кириллы, Иваны; кружным путем через парижский Дом Диора возвратились женские сапоги и шубы; в ресторанах вместо профитролей подавали расстегаи; в центральной печати появились очерки будущего крупнейшего деревенщика Валентина Распутина», – отмечают, пытаясь по мере сил иронизировать, Петр Вайль и Александр Генис [11, с. 237].

Важную роль в этом культурном перевороте играл журнал ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». В марте 1963 года его возглавил Анатолий Никонов. По воспоминаниям Валерия Ганичева, «он поставил своей целью просветить в духе русской истории и национального мировоззрения Сергея Павлова» [12, с. 67]. Ганичев считал Никонова «предтечей всего русского движения. Фронтовик, закончил исторический факультет МГУ, все, что связано с русским патриотизмом, он бережно обкладывал всем необходимым советским содержимым, подбирал спасительные цитаты из классиков, он приучал нас работать в стилистике того времени» [13].

Произведя кадровые перестановки в журнале, Никонов сформировал круг единомышленников и постоянных авторов, к которым А. Лотарева относит Михаила Лобанова, Виктора Чалмаева, Владимира Солоухина, Владимира Чивилихина, Вадима Кожинова, Олега Михайлова, Анатолия Ланщикова [12, с. 67]. Огромную роль в журнале играл заместитель главного редактора Валерий Ганичев. «Молодая гвардия» превратилась в ведущий легальный орган национально-патриотических сил, противостоявший как либеральному «Новому миру» Александра Твардовского, так и радикально-сталинистскому «Октябрю» Всеволода Кочетова (важно помнить, что Кочетов был выразителем не официальной партийной, а экстремистской, почти оппозиционной по своему радикализму линии). Характерно, что этот журнал не возглавлялся «литературным грандом», напротив, это была команда достаточно молодых единомышленников – Никонову было едва за сорок, остальным за тридцать.

В 1965 году, в «Молодой гвардии» появился составленный Валерием Ганичевым манифест «Берегите святыню нашу» за подписью писателя Леонида Леонова, художника Павла Корина и скульптора Сергея Коненкова, давший старт «ВООПИКовской» кампании по защите исторического наследия.

> «Я подготовил письмо “Берегите святыню нашу”, оно было опубликовано в “Молодой гвардии” и подписано тремя гигантами нашей культуры – Павлом Кориным, Сергеем Коненковым и Леонидом Леоновым. Это письмо стало своеобразной программой соединения героического прошлого России с тогдашней жизнью молодого поколения. Помню, как Леонид Леонов, редактируя письмо, вычеркнул слова “Наша славная советская молодежь” и проворчал: “В годы войны была славная, а сейчас пусть докажет!” Это был 1965 год, только что Хрущева сняли, и самое время было сделать рывок в деле восстановления исторической памяти нашего народа. Хрущев – страшно вспоминать! – запретил праздновать День Победы. И вот, в 1965-м празднование 9 мая восстановлено, и под это дело мы выпускаем это письмо. В нем мы обращались к нашей интеллигенции с воззванием воскресить русские святыни. Включая православные храмы. Это письмо перепечатывалось людьми, распространялось в виде листовок. Сотни тысяч экземпляров разбежались по стране. Были расклеены в клубах, библиотеках» [14].

Комсомольский журнал парадоксальным образом (если вспомнить центральную, «хунвейбинскую» роль комсомольцев в антицерковных гонениях как 1920–1930-х, так и 1950–1960-х годов) превратился в главный рупор «Русской партии», с переменным успехом действовавшей внутри советских политических и прежде всего информационно-пропагандистских структур.

Как правило, деятельность «Русской партии» связывается с покровительством «группы Шелепина», выступавшей с позиций советского патриотизма, продолжения холодной войны с Западом, антибюрократических реформ. По утверждению работника Отдела культуры ЦК КПСС Г.М. Гусева, у А.В. Никонова «были добрые отношения с тогдашними членами Политбюро ЦК Д.С. Полянским, А.Н. Шелепиным... Тайная дружба связывала Анатолия Васильевича с одним из любимцев Суслова, по сути, старшим помощником «серого кардинала» ЦК В.В. Воронцовым» [15, с. 437].

Известную степень покровительства подтверждает и сам В.Н. Ганичев: «…русское патриотическое направление проявлялось на самом высшем уровне в Политбюро ЦК и было связано с такими громкими фамилиями, как Шелепин, Мазуров, Машеров, Полянский. Поговаривают, что близок был к “русскому ордену” Кириленко. Ну и Романов, ленинградский, тоже. Они противостояли космополитическому крылу в Политбюро и одновременно закоренелым догматикам марксизма, отрицающим любое национальное начало в

жизни общества…» [13]. Серьезную поддержку «мологвардейской» группе систематически оказывал писатель Михаил Шолохов.

Насколько справедливо говорить, что молодогвардейцы «проводили в жизнь идеологию группы Шелепина» или, напротив, «формировали» ее? Говорить о «тайных русских орденах», законспирированных структурах и прочем – значит конструировать политическое фэнтези. К тому же следует помнить, что «группа Шелепина» сгорела в политических баталиях уже в первой половине 1967 года, по сути выбыв из борьбы за власть. В июне 1968 смещен с руководства комсомолом был и Сергей Павлов. То есть уже с середины 1968 года «Русская партия» оказалась в относительно свободном плавании, что, впрочем, вскоре прямо отразилось и на судьбе журнала «Молодая гвардия», лишившегося самых серьезных покровителей.

При взаимодействии групп интеллектуалов и групп политиков (особенно в такой низкоинтеллектуальной атмосфере, как атмосфера в высших советских партийных кругах) такая постановка вопроса вряд ли возможна. Идеологическое взаимодействие определялось скорее неопределенными личными и идейными симпатиями, групповым опознанием «свои – чужие», готовностью «проталкивать» те или иные инициативы, помогать кадровому продвижению своих людей и «прикрывать спину» своим при атаках политических и аппаратных оппонентов.

Те или иные действия и выступления определялись в значительной степени как наличием или отсутствием «окна возможностей» продвинуть свои проекты, прощупыванием границ дозволенного официозом, так и пестрым составом ингредиентов, попадавших в тот идейный компот, который варился в головах у молодых русских интеллектуалов. А эти ингредиенты включали в себя минимум два основных пакета – патриотический сталинизм, ориентированный на идеологию послевоенного периода и возродившийся с отставкой Хрущева, и те или иные изводы белой, православной, монархической идеи, главным «лоббистом» которой стал в среде «Русской партии» художник Илья Глазунов.

«По оценке С. Семанова, касающейся, правда, 1970-х годов, “наибольшей склонностью в сторону Сталина отличались О. Михайлов, А. Никонов, Г. Серебряков, В. Чалмаев, Ф. Чуев… осторожно высказывались В. Ганичев, В. Кожинов, А. Ланщиков, П. Палиевский, Ю. Селезнев и В. Чивилихин. Резко отрицательные суждения были у В. Астафьева, В. Белова, И. Глазунова, С. Викулова, М. Лобанова и В. Солоухина”» [10, с. 353].

Насколько гибкими и расплывчатыми были эти границы, можно судить по случаю, передаваемому Ганичевым: «…из той поездки в Грузию помню, как Вадим Кожинов и Сергей Семанов в самолете, когда мы летели уже из Тбилиси домой, встали где-то над Краснодаром со своих кресел и заявили: “Мы пролетаем над землей, где героически погиб Лавр Корнилов, просим всех встать!”. И все встали, даже секретарь ЦК ВЛКСМ Камшалов постоял. А это все-таки 1972 год был» [13].

Семанов, критикуя известную работу Н. Митрохина о «Русской партии» приписывает себе и своим соратникам стойкую лояльность к советской государственности. Однако сам же указывает на исключения: «Совсем другое дело – отношение к социалистическим ценностям и особенно к советской государственности. Тут преобладающее большинство Русской партии безусловно стояли “за”, там защищали Советскую власть от прозападных сотрудников ЦК КПСС и вплоть до русских “диссидентов” вполне твердо и сознательно. Конечно, среди известных деятелей того круга были антикоммунисты, они же “антисоветчики”, назовем имена И. Глазунова, В. Солоухина, И. Шафаревича, наших опереточных монархистов, неоязычников и всех подобных. Тем паче А. Солженицына, которого Русская партия резко осуждала» [16]. Обратим, кстати, внимание, на любопытную трактовку места Солженицына: с одной стороны, «Русская партия» его резко осуждает, но, с другой – Солженицын оказывается *«известным деятелем того круга»*.

Объединявшим всех пространством компромисса были общепатриотические ценности, обращенные к старине, – любовь к родной природе, древнерусскому искусству как эстетическому феномену, народному крестьянскому быту и «силе земли». Значительную роль в объединении играли и отрицательные стимулы – неприятие либерально-западнического направления у интеллигенции и номенклатуры, русофобии, выраженного культа западного комфорта, противопоставляемого не советскому, а русскому как таковому.

Несомненно, в этом кругу имелись известные элементы ксенофобии и антисемитизма, однако общее настроение, на которое они накладывались, справедливее назвать конспирологией. Подавляющее большинство деятелей той эпохи придавали огромное значение деятельности *тайных сил* в истории и были уверены в существовании антирусского заговора. Этому настрою дополнительно способствовала атмосфера тоталитарного режима с его непрерывными подковерными интригами в ЦК КПСС, других структурах, ранжированным распределением статусов и благ, влиянием советских спецслужб (сознательность, продуманность и скоординированность которого тоже не следует преувеличивать) и прочим.

Русский клуб: «Дискуссия патриотов между собой»

Важной точкой сгущения идей для представителей «Русской партии» был «Русский клуб», официально «Комиссия по комплексному изучению русской культуры» при Московском отделении ВООПИК, действовавшая в 1967–1972 годах [10, с. 320–325].

Двери клуба на постоянной основе или для разового визита были открыты для самых разных людей. Его руководителями были критик Петр Палиевский и историк Сергей Семанов, большую роль на заседаниях играли академик-химик И.В. Петрянов-Соколов и писатель Валентин Иванов, автор знаменитой «Руси изначальной» и скандального «кавказофобского» бестселлера о теневой экономике «Желтый металл», изъятого из всех библиотек; публицисты Анатолий Ланщиков, Марк Любомудров, Олег Михайлов, Вадим Кожинов, писатель Владимир Чивилихин; историк московских храмов Петр Паламарчук; критик Виктор Чалмаев; Юрий Прокушев, с 1971 года глава издательства «Современник»; главный редактор журнала «Техника – молодежи» Василий Захарченко; главред «Молодой гвардии» Анатолий Никонов; создавший в 1973 году «Альманах библиофила» Евгений Осетров; писатель А.И. Байгушев (который сыграет впоследствии столь крупную роль в «фантастизации» феномена «Русской партии») и многие другие.

Особо следует отметить многолетнего узника лагерей Олега Волкова, одного из основателей ВООПИК, автора пронзительного «Погружения во тьму», которое так и не успел опубликовать «Новый мир». Двери «клуба» были открыты и для диссидентов-самиздатовцев патриотического направления: Владимир Осипов, в октябре 1968 освобожденный из Дубровлага, неоднократно попадавший в тюрьму Анатолий Иванов (Скуратов); крайне противоречивый человек, тоже немало отсидевший Феликс Карелин.

На заседаниях «клуба» в горячей, порой митинговой манере, обсуждались проблемы русской истории и культуры: наследие славянофилов и Серебряного века, троцкизм и РАПП, фигура Аввакума и проблема русского раскола.

> «Я помню знаменитую дискуссию о расколе. Были сторонники Аввакума, были противники Аввакума, но и те и другие были патриоты, – вспоминал Владимир Осипов. – Это была дискуссия патриотов между собой, без единой марксистской формулировки, без единого марксистского тезиса, будто марксизма не существует. Но антисоветских заявлений, разумеется, не было» [10, с. 321].

Фигура протопопа Аввакума была для деятелей «Русской партии» тогда особенно существенной. С одной стороны, он принадлежал к миру православия, антизападничества, чистой русскости, с другой – «жертва царизма», «бунтарь» и классик древнерусской литературы.

> «Мы пошли еще дальше, предложив участвовать в возрождении и других храмов (пока как памятников культуры), а также очагов культурного наследия, назвав Холмогоры и Пустозерск, где пребывал в заключении протопоп Аввакум. Ну, это было уже слишком! Марина Журавлева (секретарь ЦК ВЛКСМ) прибежала со старой энциклопедией: “Вот, смотри, он поп, да еще мракобес”. Я успокаивал: “Он один из лучших русских публицистов и ораторов, и вот почти для вас написано: «Борец с царским режимом»”. Павлов успокоил ее, нам сказал: “Плодотворно. Работайте дальше, но главное, поход по местам боевой славы”» [17].

Невозможно понять контекст скандала вокруг статей Виктора Чалмаева «Великие искания» [44] и особенно «Неизбежность» [45], если не учитывать, что они были, по сути, отголосками дискуссий в «Русском клубе», местами рефератами, местами – манифестами прозвучавших идей. Отчасти сумбурными, однако отражавшими живое кипение коллективного разума. Именно поэтому у Солженицына создается впечатление, что за Чалмаевым «стоял кто-то поумней» – на самом деле этот «кто-то» – не конкретное лицо, а целая дискуссионная среда, голосом которой выступил Чалмаев.

Неизбежность царей и патриархов

Непосредственной «провокацией», вызвавшей статью Чалмаева, была статья Владимира Воронова «Заклинания духов» (Юность. 1968. № 2) [18], ставшая ответом на другой чалмаевский текст – «Философия патриотизма» [46]. В ней автор либеральной «Юности» заявлял: «Зачем же доходить до русапетства? Право, зря заклинатели вздыхают о “загадке России”, об избраннической доле русского народа. Они словно не знают о социалистическом мировоззрении современного русского (равно как украинского, белорусского, грузинского, любого другого) советского человека, что и приводит их в таких случаях к размыванию принципов пролетарского интернационализма» [18, с. 98]. С этими нападками и разбирается, не переходя, впрочем, на уровень адресной полемики, Чалмаев в своей статье.

Вызвавшая эффект разорвавшейся бомбы «Неизбежность» и сегодня производит яркое впечатление. Это заявка на манифест целостной идеологии, лишь совсем по касательной связанной с советским марксизмом, который превращается в один из служебных этапов великого русского пути, переданного через образ некрасовского Саврасушки.

Статья начиналась с обличения «инфляции слова», мещанской пошлости, газетчины, задвигающей в сознании молодых поколений вечную классику как в литературе, так и в музыке, где Рахманинова вытесняет прилипчивая туристская песенка. Неназываемый «один из критиков» – Василий Розанов сокрушается: «…как пыль на краю подобного леса поднялся на окраине двухтысячелетней европейской культуры легкий рой бумажных листков, который закрыл его» (анонимизированная цитата из «Сумерек просвещения») [19, с. 31].

Диктат модного целлофанового варварства превращает незрелых людей в роботов, и вот уже молодой журналист, герой повести Альберта Чернышова «Спасибо людям» обещает: «в небрежной, современной манере буду писать, как Аксёнов и Гладилин» [19, с. 32]. Но, по счастью, история Отечества насыщена вулканическими великими взрывами, «неоновую тьму разрывают лучи солнца, исходящие из исторических былых времен… в свете

их мы вновь видим до боли сердечной родного и близкого нам “Саврасушку”, народ, прокладывающий свою великую дорогу» [19, с. 32–33].

Подобно японской архитектуре «сумевшей прогнуть, победить железобетонные клети силой национальной традиции… магистральное, глубинное течение советской многонациональной литературы, развивающейся на единой интернациональной основе, на основе ленинского учения о партийности и народности и горьковских традиций социалистического реализма, неизменно «прогибает», сокрушает антигуманистические поделки модернистского ремесла» [19, с. 33]. Ленинское же учение состоит в том, что интеллигентики, лакеи капитала, мнящие себя мозгом нации, «это не мозг, а г…» [19, с. 33]. В осознании бескомпромиссного размежевания идеологий и состоит «неизбежность нашего времени».

За бодрым комсомольском вступлением, украшенным бранным словом с отточиями, у Чалмаева следует обращение к фигуре Юрия Крижанича, который «прибыв в Московское государство с верой в то, что славяне и Русь в особенности “стоят на ближайшей очереди в мировом преемственном возделывании мудрости сменяющимися народами” (это подтвердили потом все “почвенники” и “славянофилы”)… вдруг обнаружил одну беду, которой страдает эта могучая земля. “Чужебесие»…” [19, с. 33]. Но все-таки «ни “чужебесие”, ни злая напасть – водка, сменившая исконное русское питье – пиво по повелению Ивана Грозного (сначала для опричников!)» не погасили в Крижаниче веры в Россию. Следует еще одна анонимизированная цитата из Розанова – на сей раз о пьянстве: «Добрый купец, испивающий, может быть, имел бы в пятом потомке Кутузова, а он дает только бравого капитана…» [19, с. 34].

Но есть могучие начала в русском национальном характере – «чувство социальной справедливости, патриотизм, мужество, а также правдоискательство, совестливость, побеждающие «чужебесие» и «чужевладство»» [19, с. 34]. «Владство» кого? – звучит тревожный звоночек у читателя, научившегося за полвека читать между строк.

Дальше Чалмаев формулирует свою философию русской истории:

> «Не много было лобных мест, откуда возвещала о себе в течение веков стыдливая русская душа… Постоянный труд на земле, монастырь, царев кабак – да раз в сто лет лед Чудского озера, буйные травы Куликова, Полтавского, Бородинского полей… Потому и кажется пустынной наша история перед парадными, пересыпанными массой занятных происшествий европейскими хрониками. Ни обильного словоговорения, ни раннего парламентаризма, ни каждодневного витийства о вечных ценностях… “А там во глубине России, там вековая тишина”, – говорил Некрасов. Раз в сто лет выходил русский сермяжный мужик, битый кнутом на правеже, терзаемый многими тяготами, на очередное Куликово поле, за все сто лет в ночь перед битвой невольно думал думу о родине, добре и зле, о мире, в котором жил… И в этой безмолвной молчаливой думе, слитой с великим деянием, была духовная высота, недоступная никакому механическому оратору… А кто знает какие сложные думы жили в сердцах и головушках тех казаков – беглецов, «утеклецов», что шли вместе с Ермаком, Хабаровым, Дежневым, через дебри сибирской тайги, чтобы Россия… вдохнула полной грудью родственный ее душе простор Великого океана? А кельи пустынножителей-патриотов вроде Сергия Радонежского, вдохновившего Дмитрия Донского на решительный бой, вроде патриота-патриарха Гермогена в Смутное время рассылавшего в разные концы земли письма-мольбы о единстве? Нет, не пустынна наша священная история, пожалуй, только “не обжита” по настоящему» [19, с. 34–35].

Ни один раздел статьи не вызывал, пожалуй, такого количества шумливых придирок. Критик «Литературной России» Суровцев, делая классическую ошибку в значении

слова, начал писать, о том, что вся русская литература усилиями угнетателей превращалась в «лобное место». Критик «Литературной газеты» Чапчахов на ортодоксально-марксистский манер возмутился за западную историю, заявив, что нельзя называть «занятными происшествиями» такие проявления борьбы прогрессивных сил, как «восстание Уота Тайлера и Жакерию, казнь Джордано Бруно, подвиги во имя народа, совершенные Костюшко» [цит. по: 22, с. 69]. Вот уж и правда, в антирусском восстании Костюшко нет ничего занятного… Даже Александр Солженицын упрекнул Чалмаева в поношении Запада за непочтение к «раннему парламентаризму».

Однако сквозь эти волны возмущения несомненна была недюжинная смелость автора, сконструировавшего историософию, в которой главным деятелем был русский народ, трудящийся (иной раз попивающий в кабаке), сражающийся на полях великих битв, и находящийся под духовным окормлением не коммунистической партии, не пламенных революционеров, а патриотов духа – пустынножителей и патриархов. Это, конечно, чудовищно упрощенная и обедненная картина русской истории, но и сам автор говорит, что на деле она не пуста, а только лишь «не обжита», забыта нами. А главное – эта картина была абсолютно и категорически *непартийна*. «Руководящей и направляющей» в ней места не находится. Это *священная* история Руси, а не история революционного движения.

> «У Чалмаева свое, особое понимание отечественных традиций, народности и патриотизма, – писал в своей статье-доносе А. Дементьев. – Его сочувствие и симпатии отданы не революционным демократам или художникам-передвижникам, а “патриотам-пустынножителям”, “патриотам-патриархам”, “реформаторам церкви”, “духовным ратоборцам”. Именно им он отводит решающую роль в “цивилизации русской души”. Особенно восхищен критик «жемчужинами народного духа», которые “выбросила эпоха раскола” и т.д. Из более поздних “праведников» он даже Иоанна Кронштадтского, Серафима Саровского (именуемого Нилом) и других масштабом поменьше готов отнести к людям, рожденным босяцкой крестьянской Русью и ожиданием “чуда”» [22, с. 64].

Чалмаев приводит примеры исторической прозы, соответствующей его концепции, – это старообрядческий роман многолетнего сидельца и узника еще сталинской психушки Алексея Черкасова «Хмель», роман белогвардейца, руководителя колчаковской «Нашей газеты» и других эмигрантских изданий, вернувшегося в СССР из Харбина только в 1945 году Всеволода Никаноровича Иванова «Черные люди», и первое большое произведение главного мастера русской исторической прозы Дмитрия Балашова «Господин Великий Новгород».

К сожалению, Чалмаев ничего не пишет о прозе Балашова, который с 1975 года воплотит в своем цикле «Государи Московские» именно начертанную в «Неизбежности» программу с патриотом-пустынножителем Сергием, с патриотами-митрополитами, с патриотами-князьями, с выходом русского мужика на бесчисленные рати, с атмосферой ожидания русского чуда…

> «Вс. Иванов в романе “Черные люди” изображает русский мир XVII века – “соляной бунт”, величие и падение высокоумного патриарха Никона, трагический пафос огнепального протопопа Аввакума, бунт Степана Разина, первопроходство Ерофея Хабарова, простосердечие царя “тишайшего” Алексея Михайловича… Современный молодой читатель может, вероятно, быть удивлен тем обстоятельством, что в исторических романах последних лет такое большое место вновь… заняли цари, великие князья, а рядом с ними, но никак не ниже их, патриархи и другие князья церкви, раскольники и пустынножители. Конечно это не идеализация монархизма, хотя и Алексей Михайлович у

> Вс. Иванова, и князь Ярослав Мудрый у Вал. Иванова, и основатель Тбилиси Вахтанг Горгасал, грузинский царь V века, герой поэмы Г. Леонидзе “Самгори”, показаны во всем величии их патриотических подвигов, государственного разума, личного мужества… Романы и поэмы советских писателей не историография царей и царств, родословная идеи православия. Это история народа, который то путем эволюции, то при помощи революционного взрыва шел от одних, созданных конкретными условиями его исторического бытия форм государства и общественного сознания к другим… Есть и в усилиях Петра Первого, Ивана Грозного – и в попытках реформаторов церкви видоизменить на благо родины византийскую идею отречения от мира как главного подвига человека, нечто великое, вдохновляющее и нашу мысль о подвигах исторического творчества. Великая страна не может жить без глубокого пафоса, без внутреннего энтузиазма, иначе ее захлестывают дряблость и оцепенение. Нужна была всеосеняющая, выводящая умы к огненным страстям идея, объединяющая Русь» [19, с. 35–36].

Этот мощный гимн идее, что именно история царей и патриархов и есть подлинная русская история, не могла заглушить даже вставка что эта история пришла к «высшей форме социальной и государственной организации общества – научному коммунизму и социалистической демократии» [19, с. 36], тем более что оговорка в свою очередь была обезоружена другой оговоркой: «это не значит, что вся многовековая предыстория, духовная жизнь русского народа и других народов СССР должны быть преданы забвению» [19, с. 36].

Особое место уделяет Чалмаев протопопу Аввакуму и здесь уже позволяет такие виражи, за которые, как справедливо заметил Солженицын, в 1920–1930-х «сейчас же сунули бы в ОГПУ и расстреляли».

Аввакум – это «внешне простоватый и озорной… **Русский глашатай Христова, не униженного никем слова**…» [19, с. 36; здесь и в следующем абзаце все выделения сделаны мной – *Е.Х.*]. На дворе, напомним, 1968 год. «Не о расколе мечтал этот бунтарь, заступник бедноты… а о великом единении. Он выступает как патриот России, ищущий блага всем “черным людям”» [19, с. 37].

«Взыскательная совесть давала возможность заглянуть *вдаль истории*, угадать далекие звенья ее. В темном сознании Аввакума громоздятся такие видения: **“Видим мы – выпросил у бога светлую Россию сатана, чтобы обагрить ее кровью мученической...”** [19, с. 39][1].

Видимо, чтобы развеять у читателя последние сомнения в том, что он правильно прочел между строк и имеются в виду именно судьба России в XX веке и кровь, мученическая кровь, пролитая коммунистической диктатурой, далее публицист цитирует Блока: «Какому хочешь чародею / Отдай разбойную красу».

Коммунизм, дает понять Чалмаев, есть частность, которая не исчерпывает богатства исторической жизни России. «Аввакум, как и Ерофей Хабаров, и Разин, дважды посетивший в поисках истины Соловецкую обитель, ощущает, что тогдашняя официальная власть, каноны государства и церкви никак не исчерпывают России, не являются даже тем обрядом, не говоря уж – идеей, в которых до конца высказывается душа народная. Вода и камень… Камень ничего не может сделать воде, вода же обтекает любую преграду» [19, с. 38]. «Дважды посетил Соловки». Официальная власть не исчерпывает России. Вода обтекает любую преграду. По меркам советского эзопова языка это были не намеки. Это был крик.

[1] Точная цитата из «Жития протопопа Аввакума»: «Выпросил у Бога светлую Росию сатона, да же очервленит ю кровию мученическою» [47, с. 165].

В конечном счете все герои драмы Раскола XVII века оказываются у Чалмаева на одной стороне – строителями русской цивилизации: «И Никон, и Аввакум, и Морозова, и Хабаров, и – по-своему – Разин олицетворяют стремительно шедшую на Руси цивилизацию души… Народный организм как бы "откладывает" про запас эти взращенные Аввакумом и Никоном духовные силы, огненные порывы и мечты, он выплавляет из них основу для государственных подвигов. Один раз в сто лет выходит русский народ на Полтавскую битву или Сталинградское противостояние, но готовят его к этому века» [19, с. 37]. Обратим, кстати, внимание на натянутость относительно единственного официального героя из этого списка – Разина.

От очерка философии русской истории как мистического и в то же время органического развития русского народа, в которой (ссылка на статью В.В. Кожинова «О реализме 30-х годов XIX века») даже царствование Николая I не следует механически называть «эрой Николая Палкина», так как на деле «это наша "духовная Эллада", культурные ценности которой начисто лишены измельчающего их публицистического налета, появившегося в 50–60-е годы в дискуссиях "Современника" и "Русского вестника"» [19, с. 37], Чалмаев переходит к современности с ее главной угрозой, все опошляющим духом американизма.

«Нет не от божьего гнева, не от Страшного суда сотрутся горы национального своеобразия до уровня универсальных песков. Американизм» [19, с. 40], – подводит публицист к очередной анонимизированной цитате из Розанова: «Америка есть первая страна, даже часть света, которая, будучи просвещенной, живет без идей… Вот это-то существование без высших идей побеждает и едва ли не победит христианство…» [19, с. 40]. В этом нарочитом цитировании Розанова ощущается, конечно, влияние председателя «Русского клуба» Петра Палиевского. И уже во второй раз звучит отождествление России с Христианством.

Сделав прокладку из очередной ленинской цитаты: «Вы что же думали – что при социализме люди будут стоять у корыта изобилия и хрюкать от удовольствия» [19, с. 41], – Чалмаев переходит к цитате из «друга Л.Н. Толстого» и «Чаадаева 60–80-х годов» – К. Леонтьева: «Все изящное, глубокое, выдающееся чем-нибудь, и наивное, и утонченное, и первобытное, и капризно-развитое и блестящее, и дикое одинаково отходит, отступает перед твердым напором этих серых людей. Но зачем же обнаруживать по этому поводу холопскую радость?» [19, с. 41]. Цитирование явно ведется по статье Николая Бердяева «К. Леонтьев – философ реакционной романтики».

В чем смысл этой полемики Чалмаева против серости и уравнительного всесмешения? Это становится понятно из его пассажей, посвященных судьбам русской деревни, столь зацепивших внимание Солженицына.

> «Да что там вздыхать о деревне! О долге перед ней за прошлые годы! Выстроим крестьянам новые дома с шиферными крышами, с городской мебелью, санузлами, модными сараями! Вот и весь долг за прошлые "переборы"! – так примерно рассуждают некоторые, протестуя во имя «прогресса" против "идеализации" мужика, против воспевания родников, истоков. Точно так же они рассуждают и об участи Байкала, русских лесов: "Да дайте нам похозяйничать еще лет двадцать, мы вам новый Байкал выроем, лучше прежнего, где угодно и весь долг!"».. [19, с. 43].

Даже по сей день этот пассаж Чалмаева трактуется порой неверно, как выпад против материального благополучия деревни, как некий манифест культа бедности. На самом деле перед нами вполне конкретный и довольно «криминальный» выпад против советской политики на деревне. Слова о «долге за прошлые годы» и «переборах» подразумевают жестокости коллективизации, убийственное для русской деревни раскрестьянивание и, по ближнему счету, антикрестьянскую политику «волюнтариста» Хрущева, на которую всегда можно сослаться, если упрекнут за неприятие ленинского курса партии на колхозы.

А вот фраза о «новых домах с шиферными крышами, городской мебелью, санузлами» никакого отношения к улучшению материального благосостояния деревенских жителей не имеет. Речь идет об одном из самых жутких (несмотря на то, что, вроде бы, бескровных) актов уничтожения русской деревни коммунистическим режимом – кампании *«ликвидации неперспективных деревень»*, уничтожавшей русскую модель расселения. Именно в ходе нее, вместо родного дома крестьянин получал сектор в «доме с шиферной крышей и санузлом», который, однако, был совершенно непригоден для привыкшего к деревенскому образу жизни со *своим* двором, хозяйством, пространством.

В 1980 году Александр Солженицын напишет об этом процессе «соскребания России с лица земли» в статье «Чем грозит Америке плохое понимание России»:

> «Грандиозный процесс в СССР, губительный для существования русского народа, процесс, уже идущий и рассчитанный лет на 10–15, – процесс окончательного уничтожения русского крестьянства – физического уничтожения изб, деревень, сгона крестьян в многоэтажные посёлки индустриального типа, конца связи с землёю, последнего конца национальных традиций, быта, очевидно – и народного характера, конца русского пейзажа, – этого наступления, которое повели коммунистические убийцы народной души, скудные информаторы Запада даже вообще не заметили! Первая революция (1917–1920) была – зарезать Россию кривым ленинским ножом. Россия всё же осталась жива. Вторая революция (1929–1931) – раздробить Россию сталинской кувалдой. Россия всё же осталась жива. Наступила третья бесповоротная революция – соскрести Россию с лица земли брежневским бульдозером» [20, с. 353].

Разумеется, свобода высказывания Солженицына в 1980 году в США и Чалмаева в 1968 году в СССР были несравнимы, но неприятие «обульдозеривания» Русской Земли молодогвардейский публицист смог выразить вполне ясно, добавив еще прозрачную реминисценцию на оппозицию Глеба Успенского «власть земли/власть рубля» (которая чрезвычайно близка будет и Солженицыну).:

> «Бесспорно, можно довести деревню до такого отставания на уровне материальной культуры, до того погасить в крестьянине духовные связи с землей, яркие праздники в душе, что деревня начнет мечтать как о высшей благодати о заурядном городском кинотеатре или бане, а в заурядный универсальный магазин начнет стекаться толпами, как прежде в престольный день стекалась к всенощному бдению! Деревенский люд, надо сознаться, принимает этот язык рубля, бухгалтерии: уж очень небрежно, неразумно в иные годы пожинали плоды его былого бескорыстия» [19, с. 43].

Для верности распознавания ключа Успенский будет и сам упомянут в следующем абзаце, где фигурирует герой рассказа Е.Носова «одаренный сердцем и душой Глеба Успенского» [19, с. 43].

Идея Чалмаева не в том, что русский мужик зажил хорошо, а не надо бы и начинать. А, напротив, в том, что рубль и бульдозер с новостройкой стали еще одним способом раскрестьянивания и разрусения, еще одним средством стирания той «власти земли» в которой деревенщики и Солженицын единодушно видели национальный культурный код русского народа. Если сотрется этот код, сотрется и сам народ. А «каждый народ хочет быть не только сытым, но и вечным» [19, с. 44]. Можно спорить с этой логикой, но важно, что в этом вопросе Солженицын и молодогвардейский критик вполне едины.

Остаток статьи Чалмаева занимает анализ различных литературных произведений – «Миша Курдов» Ивана Макарова, «Бремя нашей доброты» Иона Друцэ, «Пряслины» Федора Абрамова, не без изящества увязанные с «Русью уходящей» Павла Корина. Здесь

снова рассыпаны мелкие уколы по адресу советской системы, с ее колхозами, классовым террором, самодурством: «Наживать капитал на обвинениях в происхождении» [19, с. 50], «нарушение газетного и начальственного кодекса» [19, с. 51].

И тут же чудо Руси: «как будто сам Христос отряхнул ризы свои над этой поляной! Это действительно чудо в своей ясности, простоте и человечности. Семья Пряслиных, поредевшая числом, израненная, измученная – это живая Русь» [19, с. 51]. Приводится выразительная цитата из бунинских «Косцов», навлекшая на Чалмаева со стороны критика «Литроссии» Суровцева упрек в «единонеделимстве»: «Прелесть была в том, что все мы были дети своей родины и были все вместе и всем нам было хорошо, спокойно и любовно без ясного понимания своих чувств, ибо их не надо, не должно понимать, когда они есть. И еще в том была (уже совсем не сознаваемая нами тогда) прелесть, что эта родина, этот наш общий дом была – Россия, и что только ее душа могла петь так, как пели косцы в этом откликающемся на каждый их вздох березовом лесу» [19, с. 51–52].

«Пусть худой, обедневший, обескровевший этот самый общий дом Россия», – продолжает Чалмаев [19, с. 52], ядовито поддевая «респектабельных мещан», не понимающих максимы: «Где нехорошо, там и родина». «Все в человек, все для человека». Этот лозунг звучит в их устах не как утверждение великой, мировой ответственности за высоту целей человечества… а как призыв к самообожествлению, эгоизму, молитвенному отношению к потребностям желудка и индивидуалистического сознания» [19, с. 53].

Под конец космополитичные мещане превращаются у Чалмаева в «бесов» и «пустоплясов». Вроде бы и пушкинских, но на деле – «бесов» из полузапрещенного романа Достоевского, тем самым переброшен мостик к другой программной статье «молодогвардейцев» – «Просвещенному мещанству» Михаила Лобанова, немалая часть которой представляет собой характеристику фигуры Степана Трофимович Верховенского. «Самая главная святыня, от которой стремятся прежде всего увести разного рода «бесы»… – это народ с его стихийным чувством прекрасного, с врожденным чувством исторической устойчивости, равновесия…» – отмечает Чалмаев [19, с. 54].

Как видим, «Неизбежность» и в самом деле неординарный манифест. И главное в нем – не противостояние «Русской цивилизации духа» и «американизма», как иногда полагают исследователи [15, с. 428–431], а надклассовый, надпартийный русский национализм, почти не маскируемый апелляциями к марксизму-ленинизму и коммунизму (большинство чалмаевских цитат из Ленина и Маркса звучат как анекдот, порой – нарочито издевательски, не говоря уж об употреблении слова с отточиями).

Русский народ предстает в этом манифесте как таинственная мистическая сущность, вырастающая из земли и одними ей ведомыми путями текущая рекою истории, направляемая и подгоняемая людьми духа – пустынниками, патриархами и царями. Иногда эта мистическая сущность собирается для сражений, в остальное же время едва заметна, собирая силы для очередного грозного часа. Коммунизм может быть и может именуется очередным воплощением этой народной силы, но сказано это искренне или для цензуры? Обличительное пророчество Аввакума о том, что «выпросил у Бога светлую Россию сатана», дает ключ к ответу на этот вопрос.

Нынешнее мещанство, «американизм» являются лишь прологом к новому уничтожению той власти земли, на которой стоит Русь. То, что недоуничтожили наганом в ходе колхозных «переборов» доуничтожают теперь шифером и рублем новопостроенных «поселков городского типа» – гетто, куда сгоняют крестьян. По этой опустыниваемой Руси резвятся космополитически-мещанские бесы и пустоплясы, сманивая русского человека с родины, «но народ понимает, что нет у него никакого наследия в мире верней, чем Россия, чем родной “Саврасушка”, чем та историческая колея, по которой он где в гору, где “через пропасти” шел века…» [19, с. 54].

Заметное оживление вызвала и другая статья Чалмаева, «Великие искания» [44], в которой он, рассуждая о Горьком, восхвалял (снова по мотивам дискуссий в «Русском клубе») русский «Серебряный век», принижал передвижников по сравнению с Нестеровым, Серовым и Врубелем, добрым словом поминал св. прав. Иоанна Кронштадтского (монархиста, антиреволюционера и члена «Союза русского народа»). Главная художественная правда Горького обнаруживалась, по Чалмаеву, не в пролетарском романе «Мать», а в образах русских купцов и предпринимателей – Егор Булычов, Васса Железнова, Артамонов-старший, которые по своей русской душе выламываются за границы буржуазности. Непонимание же Горьким культуры Серебряного века Чалмаев категорически критикует. В конечном счете из статьи критика комсомольского журнала явствовала… апология «столыпинской реакции».

Просвещенное мещанство образованщины

Мощным ударом уже не по власти, а по либеральной интеллигенции, стал памфлет Михаила Лобанова «Просвещенное мещанство». Он уступает статьям Чалмаева историософским масштабом, зато по конкретному явлению, тому самому, которое Солженицын окрестит «образованщиной», бьет точно в цель хлесткими, полными литературного изящества и самого ядовитого сарказма формулировками:

> «Мещанство свое дело делает, не отставая от века. Оно считает себя в курсе всех современных наук и мировых прогрессов. Оно ужасно любит остренькое в науке – пересаженное сердце, летающие тарелки (которые должны быть непременно посланцами с других планет), оно любит порассуждать о физиках и лириках, о какой-нибудь электронной теории бессмертия и т.д. … У мещанства мини-язык, мини-мысль, мини-чувство – все мини. И Родина для них – мини. И дружба народов – тоже. Только разлагатели национального духа народов могут не желать этой дружбы. Мини торжествует», – сказано в эпоху мини-юбок [21, с. 35–36].

Наверное, впервые в советской публицистике развернуто используется образ из «Бесов» Достоевского (и это, конечно, тоже определенный культурный код):

> «Конечно, в иных обстоятельствах Степаны Трофимовичи могут менять темы своих диссертаций, переваливаться на иной бочок своей “гражданской роли“ – по многосторонности своей натуры. Пойдут труды соответственные – с надлежащей фразеологией и неусыпными ссылками… Они и не представляют себе иной аудитории, как целое человечество, не народ какой-нибудь. Народ для них – это провинциально. При образованности-то всеевропейской вдруг такой анахронизм. Что скажут европейские коллеги по всемирному интеллектуальному прогрессу?» [21, с. 39–40].

Ключевое обвинение Лобанова: от интеллектуальной поверхностности к антинациональности:

> «Осатанело крутятся в них цитатные и прочие “культурные” приспособления, и не могут они работать вхолостую. Вот тут-то и подавай на размол побольше “проблем” всякого сорта – начиная от судьбы мировых цивилизаций и кончая кибернетическим стихотворчеством. Попадись на вид Гл. Успенский с его болью – вот уж будет “блеск”! Боль, “кровопролитная битва” на шахматной доске, атомная бомба, моднейшие актрисы – всё одинаковая пища для крутящегося внутри интеллектуального агрегата… Иногда я хожу на кладбище Донского монастыря (от нашего дома поблизости). Не было еще дня, чтобы не слышал: “Скажите, а где могила

> Салтычихи?" Но не слышал ни разу: "Скажите, а где могила Чаадаева?" Или: "Где могила историка Ключевского"? Видимо, Салтычиха действует поострее...
>
> Как короед, мещанство подтачивает здоровый ствол нации. Живя только этим подтачиванием слепым или злобно-сознательным, мещанство не способно подняться повыше своих несложных (хотя и разрушительных) инстинктов. Исторический смысл нации? Для мещанства это пустота… Поэтому мещанство так визгливо-активно в отрицании. В этом у него способности изощреннейшие, эрудиция современнейшая вплоть до ссылок на заклятых зарубежных "друзей"» [21, с. 44–45].

Наконец, к завершению памфлета становится понятна и конкретная политическая цель Лобанова – это атака на идеологию «конвергенции», сближения между социальными системами, между западным либерализмом и советским коммунизмом на основе общего «роста удовлетворения материальных потребностей граждан» и отказа от консервативной специфики обществ.

> «Нет более лютого врага для народа, чем искус буржуазного благополучия. Это равносильно параличу для творческого гения народа. Что же тогда оставляет народ в памяти человечества? Когда нация не застыла еще в определенных формах, когда внутренние силы ее мощно бродят, пусть потенциально, тогда есть историческая надежда. Но может ли она быть, когда нация нивелируется в стандарте самых несложных прагматических идеалов и потребностей? Это упрощение заразительно в нынешнем мире. Американизм духа поражает другие народы. Уже анахронизмом именуется национальное чувство. Какие там могут быть судьбы народов, когда, по словам одного зарубежного социолога, Европа не что иное, как "единый индустриальный организм", где взаимосвязь разноплеменной массы целиком определяется технико-организационными факторами.
>
> Интеграция – вот словцо, которым эти ревнители "единого организма" хотели бы духовно просветить народы, зараженные национальным "анахронизмом". Так интегрировать, чтобы начисто соскоблить этот дикий пережиток национального, народного, чтобы перемещать всех во всеобщей индустриальной пляске. Чтобы ни духа, ни памяти о прошлом, ни самого языка не осталось от этих самых народов, без всего этого груза куда успешнее будет регулирование «единым организмом». Ничего, что с такой "интеграцией" в народах исчезнут атлантиды самобытной культуры, что вместо красочного луга, усеянного цветами, вытянется что-то вроде голого асфальтированного шоссе, что нивелировка породит гибельную для творчества стандартизацию.
>
> Рано или поздно смертельно столкнутся между собой эти две непримиримые силы: нравственная самобытность и американизм духа. Духовная сытость – вот психологическая основа буржуа, делающая его таким непробиваемо здоровым и в то же время неизлечимо больным» [21, с. 46–47].

Солженицын, как мне уже приходилось показывать ранее [23], был категорическим противником идеологии «конвергенции» и оказался тем деятелем, который приложил колоссальные и в конечном счете успешные усилия для того, чтобы сорвать «разрядку». Именно категорическое неприятие идеологии конвергенции, провозглашавшейся академиком Сахаровым, впервые заставило Солженицына взяться за перо политического публициста.

Эта позиция писателя имела глубокое философское обоснование в восприятии коммунизма и западного либерализма как двух крыльев одного и того же исторического

проекта Просвещения, связанного с утверждением обезбоженного гуманизма. Торжество идей конвергенции означало для Солженицына консолидацию и укрепление просвещенческого проекта, ситуацию, когда системы обменяются своими худшими свойствами. В этом смысле заточенность публикаций молодогвардейской группы против конвергенции и на укрепление самобытных русских начал не могла не быть Солженицыну симпатична.

Расхождение начиналось дальше: первоначальный политический сценарий Солженицына предполагал не усиление холодной войны, а напротив – выход из нее, переход в режим изоляционизма и антикитайский (а вместе с тем и антикоммунистический) разворот. СССР, по Солженицыну, должен был не враждовать с Западом, поскольку холодная война – это одна из форм глобализации, а отвернуться от него на свой Северо-Восток. Именно на идее этого идеолого-политического маневра построено «Письмо вождям». Игра на обострение холодной войны стала актуальной для Солженицына лишь после высылки и лишь в качестве «резервного» сценария: теперь Запад сам должен был оттолкнуть от себя СССР, заодно ослабив тяготеющую над русским народом коммунистическую власть, поскольку выжить коммунистическая система может, только паразитируя на «свободном мире».

Если антиамериканизм построений Чалмаева и Лобанова был Солженицыну не близок, то почвенничество, заточенность против идей «конвергенции», неприятие стирания национального лица, неприятие просвещенного мещанства образованщины, вызывали согласие, причем настолько подчеркнутое, что, даже публикуя свои мемуары, зная, чем в итоге закончится история борьбы с «чалмаевщиной» для «Нового мира» и лично для Твардовского, Солженицын все-таки категорично подчеркивает свое принципиальное согласие с «молодогвардейцами» и осуждает линию «новомирцев».

С одной стороны, молодогвардейцы не из его «стаи», подопечные его открытого врага Павлова. Только что закончивший «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицын, конечно, не может сочувствовать желанию обосновывать русскую народность цитатами из Ленина и приводить русскую историю к революции и коммунизму. Несимпатичны ему и сквозящие во многих местах ура-патриотизм и антизападничество.

Вот как описывает Солженицын в «Бодался телёнок с дубом» свою реакцию на выступление «молодогвардейцев» (второе дополнение закончено в феврале 1971 года):

> «В 1968 г. в “Молодой Гвардии” опубликованы были две статьи, заурядного темноватого публициста Чалмаева (а вероятно за ним стоял кто-то поумней), давшие повод к длительной газетно-журнальной полемике. Сумбурно построенные, беспорядочно-нахватанные по материалу (изо всех рядов, куда руки поспевали), малограмотные по уровню, сильно декламационные по манере, с хаосом притянутых цитат, со смехотворными претензиями дать “существенные контуры духовного процесса”, “ориентацию в мировой культуре” и “цельную перспективу движения художественной мысли” , – эти статьи всё же не зря обратили на себя много гнева и с разных сторон: изо рта, загороженного догматическими вставными зубами, вырывалась не речь – мычанье немого, отвыкшего от речи, но мычанье тоски по смутно вспомненной национальной идее. Конечно, идея эта была казённо вывернута и отвратительно раздута – непомерными восхвалениями русского характера (только в нашем характере – правдоискательство, совестливость, справедливость! только у нас “заветный родник” и “светоносный поток идей”), оболганьем Запада (“ничтожен, задыхается от избытка ненависти” – то-то у нас много любви!), поношеньем его даже и за «ранний парламентаризм», даже и Достоевского приспособив (где Достоевский поносил социализм – перекинули ту брань на “буржуазный Запад”.) Конечно, идея эта была разряжена в ком-патриотический лоскутный наряд, то и дело автор повторял коммунистическую присягу, лбом стучал

перед идеологией, кровавую революцию прославлял как “красивое праздничное деяние” – и тем самым вступал в уничтожающее противоречие, ибо коммунистичность истребляет всякую национальную идею (как это и произошло на нашей земле), невозможно быть коммунистом и русским, коммунистом и французом – надо выбирать» [9, с. 248].

Однако перечень того, в чем Солженицын с Чалмаевым согласен оказался намного длиннее:

«Из того мычанья вырывались похвалы “святым и праведникам, рождённым ожиданием чуда, ласкового добра», и даже кое-кто назван, не без погрешностей: Сергий Радонежский, патриарх Гермоген, Иоанн Кронштадтский, Серафим Саровский; и помянута “Русь уходящая” Корина (разумеется, “лишённая религиозного чувства”); и “народная тоска о нравственной силе”; и с симпатией цитирован Достоевский в довольно божественных своих местах, и даже один раз “Из глубины” сокрыто; а один раз и прямо о Христе – что он «ризы над поляной отряхнул”; и даже прорвалось (лучшее место!) глубокое предупреждение – не согрешить, отвечая насилием на насилие; и против жестокости, и против взаимной отчуждённости сердец, – вот уж не по-ленински! и никак не с ленинской позиции возражали Горькому (!), защищая духовное слово от базарного; и даже намёкнуто на масштаб русской тысячелетней истории, где тонут “формации”, несколько их помещается (социализм не назван трусливо); и замкнуто даже о происшедшем уничтожении русской нации – только, оказывается, не от ЧК и ЧОНа, а от “буржуазного развития”, – от русских купцов, что ли; и на обнищание нашей современной деревни указано на духовное – когда в кинотеатр стекаются с окружных деревень, как прежде стекались на всенощное бдение; где-то там на краю и по “алюминиевым дворцам” хлопнуто мимоходом, по Базарову... 1) Нравственное предпочтение “пустынножителям», “духовным ратоборцам”, старообрядцам – перед революционными демократами, как прохороводили они у нас от Чернышевского до Керенского. (Честно говоря – присоединяюсь.)

2) Что в дискуссиях журнала “Современник” мельчали и покрывались публицистическим налётом культурные ценности 30-х годов XIX в.…

3) Что передвижники не выражали народной тоски по идеалу красоты, по нравственной силе, а Нестеров и Врубель возродили её. (Не может быть оспорено.)

4) Что в 10-е годы XX в. русская культура сделала новые шаги в художественном развитии человечества – и упрёки Горькому (!) за оплёвывание этого десятилетия. (Не вызывает сомнений.)

5) Народ хочет быть не только сытым, но и вечным. (А если уже не так, то ничего мы не стоим.)

6) Земля – вечное и обязательное, в отрыве от неё – не жизнь. (Да, я ощущаю – так, я в этом убеждён. А Достоевский воскликнул: “Если хотите переродить человечество к лучшему... то наделите его землёй! В земле есть что-то сакраментальное... Родиться и всходить нация должна на земле, на почве, на которой хлеб и деревья растут”.)

7) Деревня – оплот отечественных традиций…

8) Ещё и купечество ярко проявляло в себе русский национальный дух. (Да, не меньше крестьянства. А сгусток национальной энергии – наибольший.)

9) Народная речь – питание поэзии. (На том стою и я.)

10) У нас выросло просвещённое мещанство. (Да! – и это ужасный класс, – необъятный, некачественный образованный слой, образованщина, присвоившая себе звание интеллигенции – подлинной творческой элиты, очень

малочисленной, насквозь индивидуальной. И в той же образованщине – весь партаппарат.)

11) Молодого человека нашей страны облепляют: выхолощенный язык, опустошающий мысль и чувство; телевизионная суета; беготня кинофильмов.

Одним словом, в 20-е–30-е годы авторов таких статей сейчас же бы сунули в ГПУ да вскоре и расстреляли» [9, с. 249–250].

Вопреки утверждению Махони никакого желания «бить честной палкой» Чалмаева и Лобанова Солженицын, как видим, не испытывает. Напротив, писатель солидаризируется с большинством положительных тезисов молодогвардейских статей. хотя попытки соединения русскости и коммунистичности, «помесь дворняжки со свиньей», ему отвратительны – прежде всего потому, что коммунистическая «свинья» не готова и не пригодна к диалогу.

Впрочем, и принижать Виктора Чалмаева, как это делает Солженицын, у нас оснований нет. Некоторые «ружья» – Аввакум, обличение «долгов» перед деревней – у него повешены на совесть и исправно стреляют, некоторые шарады, как с «властью земли» и «властью рубля» Глеба Успенского, исполнены с каким-то постмодернистским изяществом.

Солженицын отлично понимает, что в данном случае «большевизм» – это тактика, а «национал» – стратегия, попытка сдвинуть, как выражаются сегодня, «окно Овертона». Констатацией, что в период антинационал-большевизма за такую статью забрали бы в ГПУ и расстреляли, Солженицын признает мужество молодогвардейских публицистов, и в самом деле шедших на определенный риск даже в вегетарианских условиях агитпропа конца 1960-х.

Может ли комсомолец цитировать Розанова?

Обнародованная Чалмаевым почвенническая историософия, вполне органично вытекавшая из споров и дискуссий в «Русском клубе» и выражавшая «направление» «Молодой гвардии», била, конечно, не столько по либералам из «Нового мира» и «Юности», сколько по коммунистическим догмам – классовому подходу, революционной интерпретации истории России, «строительству новой деревни» и прочему. По сути, она стирала всякую грань между «безцаря» и «добезцаря». Причем стирала не для того, чтобы оправдать большевизм (Аввакумово пророчество вполне прозрачно), сколько для того, чтобы предъявить к нему требования соответствовать русскому духу, который всё равно всё перемелет.

«В статье немало прозрачных намеков на то, что русский народный дух не вмещается в официальные рамки, отведенные ему властью, как и сама власть никоим образом “не исчерпывает Россию”». Такой пощечины власти снести не могли. На этот раз на статью Чалмаева буквально обрушился пропагандистский аппарат партии, был запущен в обращение термин «чалмаевщина» – вспоминал А.Н. Яковлев [24].

При этом выступление публициста прозвучало уже после того, как политические силы, которые могли обеспечить «Молодой гвардии» непробиваемое прикрытие, были разбиты во внутрипартийной борьбе. Еще в 1967-м разгромлена группа Шелепина, в июне 1968-го с комсомола на Госкомспорт смещен Сергей Павлов. «Молодую гвардию» стало можно атаковать дружно и безнаказанно. По косвенным данным можно судить, что организатором атаки был будущий «архитектор перестройки» А.Н. Яковлев, исполняющий обязанности заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК КПСС. Бывший член шелепинской группы, политически разгромленной в 1967 году, в следовавшие за тем годы пытался доказать свой искренний от нее отход [10, с. 132]. Впрочем, есть и другая точка зрения Б.В. Межуева, что до самой погубившей его карьеру статьи «Против антиисторизма» Яковлев держался на стороне ортодоксально-революционного коммунизма шелепин-

цев, и выступал против националистов-патриотов как против агентов «разрядки и мирного существования» [25].

Конфликт вокруг статей «Молодой гвардии» в 1969 году точку зрения Б.В. Межуева, на мой взгляд, скорее не подтверждает. Эти статьи были опубликованы в органе «комсомольцев», ставленником «комсомольцев» главредом Никоновым и были нацелены как раз на то, чтобы выработать новую идеологию конфликта и продолжения холодной войны, представляемого как битва вечной русскости с вечным «американизмом». Построения молодогвардейцев предлагали в некотором смысле переобоснование холодной войны на началах, далеких от догм марксизма, из которых тогдашние партийные идеологи, напротив, выводили идеи «мирного существования» и даже «конвергенции». Статьи Чалмаева и других были арьергардным боем шелепинской группы в условиях неумолимо надвигавшейся брежневской «разрядки» с элементами «конвергенции систем».

Чтобы понять, насколько мощной была атака на «Молодую гвардию», достаточно привести список авторов и журналов, которые приняли участие в ударе по «чалмаевщине»: Ф. Чапчахов «Защита “истоков” или проповедь надклассовости?» («Литературная газета», 1968, 27 ноября); Ю. Суровцев «Придуманная “неизбежность”» («Литературная Россия», 1968, № 45); П. Строков «О народе – “Саврасушке”, о “загадках” русского характера и исканиях “при свете совести”» («Октябрь», 1968, № 12); Г. Бровман «Открытие нового или повторение пройденного» («Знамя», 1969, № 3); А.Г. Дементьев «О традициях и народности» («Новый мир», 1969. № 4); А. Шамаро «О национальной гордости и православных святцах» («Наука и религия», 1970, № 1). Наконец, ставшая «приговором» для никоновской «Молодой гвардии» статья В. Иванова «Социализм и культурное наследие» («Коммунист», 1970, № 7). «Прилёты» случались даже много лет спустя: Ал. Дымшиц «На критической вахте» («Знамя», 1972, № 1).

> «Остается задать еще один вопрос: насколько неизбежным было появление статьи, проповедующей асоциальные взгляды на русскую историю и на некоторые современные заботы нашей жизни, в журнале “Молодая гвардия”? Или впрямь работники журнала убеждены в том, что Никон и раскольники, всенощный колокольный звон и бессловесная лошадушка Саврасушка, изничтожение “газетчины”, а вкупе с ней и “бухгалтерии” помогут подлинно патриотическому, коммунистическому воспитанию молодежи?» – в таком тоне, более всего напоминающем писания критиков Латунского и Арримана, громил «молодогвардейцев» Ю. Суровцев [цит по: 26, с. 64].

Вероятно, по инициативе А.Н. Яковлева редакция «Нового мира» решила включиться в травлю Чалмаева с «марксистских позиций». То, что Яковлев был прямо связан с появлением статьи Дементьева, он сам косвенно проговаривает в своих мемуарах, сближая статью в «Новом мире» и свою статью «Против антиисторизма», стоившую партчиновнику карьеры:

> «Моя статья, как и статья Дементьева, была выдержана в стиле марксистской фразеологии. Я обильно ссылался на Маркса и Ленина, и все ради одной идеи – в острой форме предупреждал общество о нарастающей опасности великодержавного шовинизма, местного национализма и антисемитизма. Критиковал Лобанова, Чалмаева, Семанова и других апологетов охотнорядчества» [24].

При этом Яковлев честно признает: «Статья Дементьева была полна лукавства. Это очевидно. Но тогда нельзя было обойтись без использования марксистских банальностей». Тщательно обходя вопрос о своей роли, идеолог перестройки позднее утверждал: «в редакции “Нового мира” в то время еще не знали, что обе статьи (Лобанова и Чалмаева) перед публикацией просматривались в КГБ и были одобрены» [24]. Здесь Яковлев явно пытается свалить с больной головы на кровавую – нет никаких оснований считать, что

андроповское КГБ вмешивалось в судьбу молодогвардейских статей. Зато сам он, по сути, подставил «Новый мир».

Церковки и березки: от какого наследства отказался «Новый мир»?

Несомненно, у Твардовского создавалось впечатление, что серьезного прикрытия у «молодогвардейцев» после краха шелепинцев и павловцев нет, и он ввязывается в надежное дело – ударить по «мракобесам» фактически «в хвосте» массированной кампании, при этом подчеркнув партийную лояльность своего журнала. Была надежда встроить либерал-коммунизм «Нового мира» в выигрышный контекст кампании по осуждению очередных уклонистов и тем самым добрать недостающие «очки престижа» для продолжения линии журнала. При этом удар приходился по старым оппонентам, журнально-литературным врагам.

> «…если бы редакции “Н. мира” не взбрела несчастная идея – влиться в общее “ату”, да ещё поруча статью писать засохшему Дементьеву… – комментирует Солженицын. – Эмоциональный толчок был – расплатиться за свою вечную загнанность: изо всех собак, постоянно кусающих “Новый мир”, одна провинилась, отбилась – и свои же кусают её. Смекнув ситуацию: вот удобно ударить и нам! Чем ударить? – марксизмом, конечно, чистейшим Передовым Учением. Дементьеву это было очень сродни. Но по крайней мере один человек в редакции – Твардовский, мог бы помнить и понимать пословицу: волка на собак в помощь не зови. Даже на злых враждебных собак всё-таки не зови в помощь волка марксизма, бей их честной палкой – а волка не зови. Потому что волк твою собственную печень слопает.
>
> Но в том-то и дело, что марксизм не был для “Н. мира” принудительным цензурным балластом, а так и понимался как учение Единственно Верное, лишь бы было “исходно чистым”. Так и атеизм, очень необходимый для этого выступления, был своеродным, искренним убеждением всей редколлегии “Нового мира”, включая, увы, Твардовского. И потому неслучайны были и не показались им ошибочными аргументация и тон этого позорного выступления журнала – так незадолго до его конца» [9, с. 250–251].

Как видим, контекст высказывания Солженицына совсем иной, нежели это изображает Махони. «Злые собаки» у него не несимпатичный писателю национал-большевизм и тем более не некие вымышленные «доминирующие течения русского национализма» (что «доминирующего» было в положении травимого Чалмаева?), а участники предшествовавшей полемики с «Новым миром». Они были собаками, добровольно или по науськиванию кусавшими «Новый мир» за его «либерально-космополитические» тенденции. Однако позвать против них волка ортодоксального русофобского марксизма было и низко, и нерасчетливо.

Тем более что в кампании против молодогвардейской «Саврaски» журнал «Новый мир» участвовал наряду и, по сути, на одном поводке с самой зубастой из злых собак – журналом «Октябрь» с его твердолобым ортодоксальным сталинизмом. По сути, «Новый мир» соединялся с главным врагом против второстепенного (по крайней мере как рисовалось антикоммунисту-патриоту Солженицыну, для многих в редакции, конечно, именно «русапеты-молодогвардейцы» были безоговорочно главным врагом, и писатель это вскоре осознает).

Солженицын следующим образом реконструирует ту идеологию, которую новомирцы выразили в битве с «чалмаевщиной»:

> «“Эта банда” кликушески поносит Запад не только как капиталистический Запад (такого марксистам не жалко, и Дементьеву тоже), а как псевдоним вся-

кого свободного веяния в нашей стране (вопреки марксизму, эти передовые веяния почему-то поддерживаются именно обречённым Западом), как псевдоним интеллигенции и самого "Н. мира". В статьях "М. гвардии" что-то слишком подозрительно выпячиваются «народные основы», церковки, деревня, земля. А в нашей стране так это смутно напряжено, что произнеси похвально слово "народ" – и уже это воспринимается как "бей интеллигенцию!" (увы, *образованщину* на 80%, а из кого *народ* состоит – и вовсе неведомо...), произнеси похвально «деревня» – значит угроза городу, "земля" – значит упрёк "асфальту". Итак, против этих тайных, невысказанных угроз защищая себя под псевдонимом интернационализма и пользуясь всеми ловкостями диалектического марксизма, – в бой, Александр Григорьич!» [9, с. 251].

По сути, статья Дементьева была классическим литературным доносом[2]. Конечно, этот донос не носил совсем уж убийственного характера. Скажем, Дементьев не стал указывать на самые «расстрельные» пункты чалмаевской статьи – на очевидную антисоветскость цитирования пророчества Аввакума, или на рассуждения о том, что официальная власть не исчерпывает полноты России. Это был донос «брежневского», а не сталинского и не хрущевского стиля. А его неприличность была во многом смазана последовавшим вскоре куда более брутальным «контрдоносом» – «Письмом одиннадцати».

Не ограничиваясь полемическим разбором статей Чалмаева и Лобанова, новомирский критик подверг рассмотрению содержание «Молодой гвардии» за 1968 год в целом и уличил журнал в страшном преступлении: национализме.

«Тараном попёр новомирский критик в пролом проверенный, разминированный, безопасный, куда с 20-х годов бито всегда наверняка, и сегодня тоже вполне угодно государственной власти. Критик помнит о задаче, с которой его напустили, – ударить и сокрушить, не очень разбирая, нет ли где живого, следуя соображениям не истины, а тактики. Начиная с давней истории: без тряски не может он слышать о каких-то "пустынножителях, патриархах..."; или допустить похвалу 10-м годам, раз они сурово осуждены т. Лениным и т. Горьким; уже по разгону, по привычке, хотя к спору не относится, – дважды охаять "Вехи": "энциклопедия ренегатства", "позорный сборник"; заодно лягнуть Леонтьева, Аксакова, даже Ключевского, "почвенничество", "славянофильство"…

[2] Вот как характеризует в «Нашем современнике» современные попытки апологии А.Г. Дементьева Юрий Павлов:

«В. Твардовская, дочь поэта, опубликовала в 1-м номере "Вопросов литературы" за 2005 год статью с говорящим названием "А.Г. Дементьев против «Молодой гвардии» (Эпизод из идейной борьбы 60-х годов)" [27]. В ней зам. главного редактора "Нового мира" предстает как личность достойная, даже образцовая во многих отношениях. В частности, он называется "литературоведом, ценимым в научной среде". Любопытно – кем именно? Дочь Твардовского об этом скромно умалчивает. Так же как и об отношении своего отца к Дементьеву. Наиболее открыто оно проявилось, на наш взгляд, в истории с А. Синявским и Ю. Даниэлем.

А. Твардовский, узнав о готовности А. Дементьева выступить на процессе в качестве общественного обвинителя, называет его согласие чудовищным и характеризует своего соратника как хитреца и труса... Через семь месяцев после очередного "проступка" А. Дементьева Александр Трифонович повторяет первоначальный диагноз: в бывшем заме периодически пробуждается начало, которое определяется как «позиция члена горкома". И далее с намеком уточняется: "как говорят, единственно уцелевшего в пору «ленинградского дела»".

Действительно, в своей статье Дементьев одним из первых выразил то, что позже уловили многие: в журнале "Молодая гвардия" формируется направление, патриотизм которого не укладывается в рамки советского. Вектор движения Михаила Лобанова и "молодогвардейцев" от советскости к русскости увидели многие – единомышленники и противники – и по-разному оценили. Оценка "левых" не изменилась и впоследствии. В 1988 году в 7-м номере журнала "Юность" Ирина Дементьева в открытом письме Анатолию Иванову "Есть хорошее народное слово..." утверждает, что полемика с Михаилом Лобановым и другими "молодогвардейцами" была необходима, ибо Александр Григорьевич, "происходивший из нижегородской глубинки", предвидел, к чему может привести зарождающееся движение – к фашизму» [28].

> Ото всего церковного шибче всего трясёт критика-коммуниста: и от порочного “церковного красноречия» (высшей поэзии!) и от каких-то «добрых храмов», «грустных церквей» у поэтов “Молодой гвардии”. (Уж там какие ни стихи, а боль несомненная, а сожаление искреннее: уходит под воду церковь – Я удержу, спасу, но если / Всё ближе пенная волна, / Прижмусь к стене и канем вместе...) А Дементьев холодно и фальшиво: “Событие совсем не из весёлых”, но не надо «состояния экзальтации”, “церковная тема требует более продуманного и трезвого подхода”. (Да уж продуманней, чем церкви – что у нас уничтожали? при Хрущёве и бульдозерами. Какова б “М. гвардия” ни была, да хоть косвенно защитила религию. А либеральный искренно-атеистический “Н. мир” с удовольствием поддерживает послесталинский натиск на Церковь.)
>
> И что такое *патриотизм,* мы от Дементьева доподлинно узнаём: он – не в любви к старине и монастырям, он “неотделим”, как вы понимаете, “от пролетарского интернационализма”. И что за уродливая привязанность к “малой родине” (краю, месту, где ты взрос), когда и Добролюбов и КПСС разъяснили, что надо быть привязанным к *большой родине* (так, чтобы границы любви точно совпадали с границами государственной власти, этим упрощается и армейская служба)» [9, с. 252–253].

Взглянем на дементьевскую статью не через оптику солежницынского пересказа. Начинается она с коронного приема либеральной полемики – публичного унижения оппонента за невежество и малозначимость: «…его статьи… не заслуживают серьезного разговора. Они не отличаются ни глубиной или оригинальностью идей, ни убежденностью, ни блеском изложения…» [22, с. 60].

Далее следует констатация, что патриотизм, конечно, бывает и хороший, о чем говорит и Ленин в «О национальной гордости великороссов», но «история нашей страны знала много разного рода “патриотов”, громко заявляющих о своей любви к родине и национальным традициям, но любивших Россию самодержавную, церковную, поместную, в лучшем случае патриархально крестьянскую. В прошлом России они восхваляли всё то, что способствовало укреплению царской власти, православия и крепостничества» [22, с. 62].

Дементьев ловит Чалмаева на неуважении к идеалам Чернышевского и Писарева, на недооценке художников-передвижников, на приверженности «патриотам-патриархам». «Высшим проявлением национального характера В. Чалмаев считает горьковские образы русских капиталистов» [22, с. 64]. Не без интеллектуального самодовольства новомирский критик блещет цитатой из письма Аполлона Григорьева славянофилу Кошелеву: «…в классе среднем, промышленном, купеческом по преимуществу, видим старую извечную Русь» [22, с. 65]. Современный читатель счел бы эту цитату похвалой Чалмаеву, чей взгляд совпал со взглядом оригинального мыслителя-почвенника, но в зазеркалье инквизиторской марксистско-ленинской критики это означало уличение в совпадении мнений обвиняемого с учением заведомого еретика. В конечном счете Дементьев находит основание предъявить прямое политическое обвинение: «стремление В. Чалмаева *реабилитировать и возвеличить время столыпинской реакции*» [22, с. 66; курсив мой – *Е.Х.*].

> «Чалмаев и его единомышленники… поэтизируя раскол… отодвигают на второй и третий план освободительное движение русского народа, выдвигая “мыслителей” славянофильского типа, они пытаются поколебать авторитет революционных демократов и набросить тень на их борьбу с идейной реакцией», – звучит дементьевский приговор [22, с. 66].

Марксист-ленинец из «Нового мира» провозглашает, «от какого наследства мы отказываемся», со всей определенностью:

> «Это, разумеется, не означает, что нет наследия, от которого мы отказываемся. Достаточно указать хотя бы на такие явления в области идеологии, как “официальная народность”, церковное и светское мракобесие, либеральное ренегатство, черносотенство, достаточно сослаться на газеты и журналы Булгарина и Аскоченского, Каткова и Суворина, напомнить об антинигилистическом романе шестидесятых – восьмидесятых годов, о декадентстве в литературе и искусстве… Обращаясь к отечественным традициям, мы, чаще всего, имеем в виду совсем не то, чем гордятся деятели вроде К. Леонтьева и даже К. Аксакова. Так, гордясь ратными подвигами русского народа, мы совершенно чужды пафоса великодержавности, “ура патриотизма” и отделяем справедливые войны за независимость отечества от несправедливых, захватнических войн царизма… В. Чалмаев, несомненно, с восторгом пишет о том, что к XX веку “закончилось многовековое собирание русской земли, добывание неведомой землицы под могучую руку властителей”. О каком собирании русской землицы, закончившемся к XX веку (?!), о каком добывании неведомой землицы (?!), о каких могучих властителях (?!) идет речь, В. Чалмаев не разъясняет. С ненавистью писал В.И. Ленин о царизме, который под видом “защиты отечества” приучал население Великороссии угнетать другие народы» [22, с. 67].

Постепенно статья Дементьева превращается в настоящий манифест первобытного революционного большевизма с его ненавистью к «православию-самодержавию-народности», с его неприятием консервативного пласта русской культуры, с его образом «великоросса-угнетателя».

Подловив Чалмаева на цитировании Василия Розанова, новомирский критик переходит к разоблачению его «деревенского» уклона:

> «Чалмаев выдает крестьянского Саврасушку за олицетворение русского народа, именно в деревне видит оплот отечественных традиций, поэтизирует вековую тишину во глубине России и возлагает все надежды на крестьянских коней, которым присуще “внутреннее чувство пути”» и которые вывезут даже среди бездорожья, среди воя “бесов”. Критика уже указывала Чалмаеву, что “исключительно в крестьянине видеть типичного представителя народа – по меньшей мере наивно”» [22, с. 70].

Особенно достается от Дементьева чалмаевскому неприятию «новых домов с шиферными крышами», и он заявляет, что «словесность» «молодогвардейца» направлена «на защиту старой деревни, связана с противопоставлением «земли» и «асфальта» и является помехой на пути к материальному и духовному развитию советского крестьянства» [22, с. 70]. Здесь важно еще раз вспомнить контекст эпохи для этих шифрованных сообщений. «Старая деревня» – это просто русская деревня, «неперспективные» деревни, которым отключают электричество, которые лишают автобусов, школы и автолавок, чтобы заставить переселиться на «асфальт» – в гетто новопостроенных «поселков городского типа». Процесс уничтожения русской деревни и замены ее такими поселками (из которых все разбегаются в города) и есть «материальное и духовное развитие советского крестьянства».

Сложив эту апологию геноциду русской деревни, Дементьев переходит от статей Чалмаева к широкоформатному разгрому всего содержания «Молодой гвардии», упирая по-ленински на «идеализм и поповщину». Его возмущают заявления о «преданности удивительному белоколонному храму старины», «белокаменных красавцах-соборах, которые один за другим исчезают с лица земли волею равнодушных людей», о церквях «прекрасных как сон столетий» [22, с. 72].

После этого Дементьев атакует статью Лобанова о просвещенном мещанстве. Поскольку текст Лобанова более идеологически герметичен, чем откровения Чалмаева, Дементьеву приходится над ним иронизировать, после чего приводить обоих авторов пакетом под инквизиционное обвинение в совпадении с ведомой ересью: «просвещенное мещанство» Лобанова – это же «публика» Константина Аксакова [22, с. 74].

Здесь Дементьев делает политическую ошибку, которая дорого обойдется ему и «Новому миру». Он начинает отвечать на пассажи Лобанова, связанные с американизмом и идеями «интеграции», то есть конвергенции. Сославшись на западника Тургенева, в 1868 году писавшего «неужели же мы так мало самобытны, что должны бояться всякого постороннего влияния», то есть теряя четкость марксистского подхода и сближаясь с дореволюционным либеральным западничеством, Дементьев радостно сообщает, что с тех пор мы стали гораздо более сильными и самостоятельными, а социалистическое общество по самой своей природе не расположено к буржуазным влияниям [22, с. 75].

Поскольку вся идеологическая политика брежневской эпохи будет построена на отражении чуждых буржуазных влияний – «голосов» и мод, а концепт «психологической войны» против СССР был чрезвычайно важен в советском политическом дискурсе, то здесь старавшийся выдержать тон марксистско-ленинской ортодоксии критик «Нового мира» опаснейше поскользнулся.

Однако он этого не замечает и подвергает издевательскому разбору и в самом деле не заслуживающую ничего, кроме иронии, повесть Сергея Высоцкого «Спроси зарю» о похищении ЦРУ советского туриста Александра Антонова, которого сперва подозревают в том, что он перебежчик, однако расследующий дело капитан Гусев обнаруживает на его письменном столе книгу «Деревянное зодчество древней Руси» и убеждается, что такой человек не мог предать Родину. И напротив, читающий курс марксистской философии аспирант сбегает в Голландию.

Не нравится новомирскому критику и отзыв Василия Старостина на рассказы Бориса Шергина, в которых «запечатлена нерушимость русского языка и русского духа», поскольку сам отзыв составлен таким языком: «Его герои – неутомимые труженики, храбрые моряки: океаном возлелеяны, морем воскормлены, на волнах воспоены…» [22, с. 83]. Чем так зацепило Дементьева архаичное полногласие, остается только гадать.

К концу критическое ухарство «Нового мира» расходится всё больше. Приводится ряд названий стихотворений, напечатанных в журнале (выборкой, то есть перед нами манипуляция): «Тайны леса», «Ещё о березах», «Ива», «Осина», «Маячит смутна ветла», «Лес, река и знакомая тропка», «Добрый вечер, реченька», «Есть под Рязанью речка Пра», «Речка Соль», «Вода студеная – ковшом», «Подожок», «Кисет», «Балалаечка», «Царь-тулуп», «Ржаная ночь», «Во мне бунтует мой крестьянский дух», «Русская кровь», «Псковщина милая», «Псковский сказ о чуде», «В Кижах», «Раздумье у казачьего кладбища» и т.д. [22, с. 83].

Если бы составитель остановился на «Балалаечке», наверное, многим читателям было бы и впрямь смешно, но к «Русской крови» возникало подозрение, что критик не очень любит русских, а к «Раздумью у казачьего кладбища» (памятуя не забытые многими события казачьего геноцида) закипало возмущение не у одного Солженицына.

Обвинение в том, что «во многих стихах, напечатанных в «Молодой гвардии», деревня выступает не столько в своем реальном облике, сколько как некое социально-эстетическое начало, как символ «истоков» и «традиций», мудрости и красоты, душевного здоровья и вдохновения» [22, с. 84], звучало и вовсе неуместно для литературы, великая поэтическая традиция которой начинается с Пушкина. А что до того, какое учреждение «присвоило себе насильственной лозой и труд, и собственность, и время земледельца» все тоже отлично понимали. Чалмаев по цензурным условиям сказал тут все достаточно ясно, а вот Дементьев делал вид, что проблемы подсоветского состояния деревни не су-

ществует (хотя она была поднята в «Матренином дворе» и ряде других подсоветских произведений). Призывы Дементьева «показать поэзию колхозного земледельческого труда» звучали изощренной издевкой, как и прохаживание по гибели Сергея Есенина, и лицемерное «Есенина любили», задевшие отнюдь не только Солженицына [22, с. 86].

И снова напористая неприязнь к русской старине. Подумать только, они «призывают вернуть слова: “длань”, “десница”, “ланиты”, “око”, “денницы” – и особенно влюблены в старинные церковки, старинные храмы и “суровые пращуров лики на фресках, на досках икон”» [22, с. 89]. Новомирского критика раздражают строки о том, что «стоит всё та же старая церквушка / на том же месте – на краю села», что «ублажаем гробницы / чужих фараонов, / а для храма исконного / шифера нет», что в Кижах «церковки русские / встали родными сестрами», наконец, особо отмеченное Солженицыным жертвенное Ларисы Васильевой: «прижмусь к стене и канем вместе» [22, с. 89–90].

Заканчивалась статья Дементьева резюме, более уместным для журнала «Коммунист»:

> «Программа КПСС обязывает нас «вести непримиримую борьбу против пережитков и проявлений всякого национализма и шовинизма, против тенденций национальной ограниченности и исключительности, к идеализации прошлого и затушевыванию социальных противоречий в истории народов, против обычаев и нравов, мешающих коммунистическому строительству»» [22, с. 92].

Солженицын не может скрыть своего возмущения дементьевской статьей и фактом ее публикации именно в «Новом мире».

> «И это газетное пойло, это холодное бессердечное убожество неужели предлагает нам не “Правда”, а наш любимый “Новый мир”, единственный светоч – и притом как свою программу?» [9, с. 253].

В статье Дементьева против комсомольского журнала сквозила совершенно комсомольская русофобия. Причем касалась она не только возвышенных вещей, в которых тогдашний средний читатель журналов мало что понимал, – Леонтьев, Розанов, Столыпин, сборник «Вехи», но и самых простых – березка, церквушка, кладбище, где лежит дед-казак, порубанный в 1919 году комиссарами (ну, или пусть даже деникинцами), разоряемая родная деревня на десять дворов, где еще недавно доживала мирно свой век мать-старушка, а теперь непонятно, куда ее забирать.

Весь этот эстетически-эмоциональный комплекс, который в период этнического возрождения 1965 года, захватывал огромное количество людей, новомирский критик-марксист лупил со всего размаху чугунной цитатой из хрущевской «Программы КПСС». И давал понять, что *эти* жизни русским не дадут. Давал понять, как тем, кто относился к советской власти отрицательно и рассматривал ее как груз на плечах русского народа, так и тем, кто к ней вполне приладился и нашел для себя способ быть русским не споря о «Вехах» и Столыпине, но любя березку, речку и церквушку как часть пейзажа.

Статья Дементьева ассоциировала либеральный «Новый мир» с самым отвратительным, что было для русских в советской власти, и тем самым провоцировала двойной удар: сознательный гнев на «низкопоклонников перед Западом», презирающих наши прорастающие в социализм берёзки, и подсознательную ненависть придавленных русских к тем, кто народу жить не дает, не дает восстановить хотя бы часть национального достоинства и уважения, пусть в формате похода за подберезовиками и подосиновиками.

Стрела Аримана

Фактически Дементьев подставлял «Новый мир» под ненависть консенсусного большинства тогдашнего советского общества. И при этом он еще и продемонстрировал

непонимание важности психологической войны Запада против СССР, предлагая наплевательски разоружиться (и это вскоре после чехословацкого похода Советской Армии!).

Закономерно, что ответом на донос Дементьева стал контрдонос – так называемое «Письмо одиннадцати», опубликованное «Огоньком» 26 июля 1969 года: «Против чего выступает “Новый мир”?». Под письмом стояли подписи М. Алексеева, С. Викулова, С. Воронина, В. Закруткина, А. Иванова, С. Малашкина, А. Прокофьева, П. Проскурина, С. Смирнова, В. Чивилихина, Н. Шундика.

Письмо было подготовлено в «Молодой гвардии». Вот как об этом рассказывает Виктор Петелин: «Я позвонил Михаилу Лобанову, Виктору Чалмаеву, Николаю Сергованцеву и другим с просьбой дать свои замечания о статье А. Дементьева. Согласовали, перепечатали, показали Анатолию Никонову и Анатолию Иванову, которые тут же поехали к Анатолию Софронову, в “Огонек”. Письмо под громким и точным названием «Против чего выступает “Новый мир”?» было опубликовано в “Огоньке” (1969, № 30), оно вошло в историю русской литературы как «Письмо одиннадцати». Конечно, наше “Письмо” было тоньше, глубже, без грубого социологизма и неточностей, но – напечатано, ничего не поделаешь» [29].

«Письмо одиннадцати» в том виде, в котором оно появилось в «Огоньке», представляло собой причудливую смесь жанров.

Во-первых, это была апологетика «Молодой гвардии» как журнала, воспитывающего настоящих комсомольцев, построенная с интонацией жертвы клеветы. Иной раз получались умопомрачительные кульбиты. В частности перечисление опубликованных журналом произведений, включающее, в частности, «Господин Великий Новгород» Дмитрия Балашова, заканчивалось таким резюме: «…авторы этих произведений показали настоящих героев нашего времени, идущих в авангарде строительства нового коммунистического общества» [30, с. 96]. Вероятно, Дмитрий Переяславский, Довмонт Псковский и другие герои повести о Раковорской битве могли быть сочтены «авангардом строительства нового коммунистического общества» по крайней мере в логике статьи «Неизбежность», но все-таки «героями нашего времени» они не были.

Еще парадоксальнее сложилась ситуация с тем, что в качестве достижения редакции «Молодой гвардии» указана публикация… «Часа Быка» Ивана Ефремова, который, конечно, посвящен строительству коммунистического общества, но хвастаться этой публикацией на всю страну в данном контексте, возможно, не стоило. Год спустя, 28 сентября 1970 года Андропов направит в ЦК записку, в которой «Час Быка» будет признан антисоветским произведением. А 12 декабря того же года Секретариат ЦК распорядится изъять роман из библиотек, а имя Ивана Ефремова окажется на несколько лет под запретом. Скорее всего, ситуация с оказавшимся «антисоветским» романом об отрицательном отборе «стрелы Аримана» была последним камнем, утянувшим на дно А.В. Никонова, лишившегося осенью 1970 года поста главреда «Молодой гвардии».

Авторы письма отрекались от «фактических и методологических» ошибок Чалмаева, однако брали «Неизбежность» под защиту как «крик души», протестующей против проникновения на нашу почву явлений буржуазной культуры и против пропагандируемого журналом «Юность» в связи с вечным сюжетом «Грозный против Курбского» «права “личности”» на предательство по отношению к Родине.

Во-вторых, «Письмо одиннадцати» содержало в себе достаточно агрессивную полемику против Дементьева и его статьи. Указывалось, что «критик “Нового мира” не упускает случая поиздеваться надо всем, что связано с любовью к отчим местам, к родной земле, к деревне и почему-то особенно к русской старине» [30, с. 100].

О том жизненном мире, в котором вынуждены были существовать как коммуно-либералы, так и коммуно-националисты, можно судить по такому полемическому ходу:

«Заслуживают критики непродуманные ссылки В. Чалмаева на К. Леонтьева и В. Розанова… В. Чалмаев приводит слова Розанова, не упоминая его фамилии. А Дементьев не поленился установить имя цитируемого автора и название его труда. И иронически восклицает: “Почему же В. Чалмаев не назвал столь известного писателя? Розанов бы составил хорошую компанию К. Леонтьеву”… Любознательный читатель отсчитав от этого места тридцать шесть страниц назад, легко убедится, что тот же В. Розанов в комментариях к “Письмам Марины Цветаевой” скромно характеризуется “Новым миром» как “писатель, философ, публицист и критик”. Остается вернуть слова о “хорошей компании” их автору и редакции “Нового мира”. Кстати, можно напомнить еще и о “Кубике” В. Катаева (“Новый мир”, 1969, № 2), где В. Розанов цитируется с откровенной симпатией» [30, с. 99].

При этом в полемике против Дементьева и его русофобии авторы письма периодически угрожающе близко подбирались к раскрытию постыдных тайн «ленинской национальной политики» с ее неравноправием и дискриминацией русской нации: «Хочется уже спросить, с каких это пор человеку, любящему свою родину, будь то Армения, Россия, Украина, Грузия, Латвия, ставят эту любовь в вину? И не намеревается ли уж А. Дементьев запретить белорусу писать о Белорусии, казаху – о Казахстане, узбеку – об Узбекистане?» [30, с. 101].

Наконец, в-третьих, «Письмо одиннадцати» содержало добавленный, очевидно, в редакции «Огонька» неприкрытый и на редкость грубый политический донос на «Новый мир», без которого предыдущие два компонента вряд ли бы произвели должный эффект:

«Не требуется подробно читателю говорить о характере тех идей, которые давно уже проповедует “Новый мир”, особенно в отделе критики… Именно на страницах “Нового мира” печатал свои “критические” статьи А. Синявский, чередуя эти выступления с зарубежными публикациями антисоветских пасквилей. Именно в “Новом мире” появлялись кощунственные материалы, ставящие под сомнение героическое прошлое нашего народа и Советской Армии (не было ни «выстрела “Авроры”», ни «даты рождения Красной армии»), глумящиеся над трудностями роста советского общества (повести В. Войновича «Два товарища», И. Грековой “На испытаниях”, роман Н. Воронова “Юность в Железнодольске” и т.д.). Известно, что все эти очернительские сочинения встретили осуждение в нашей прессе. В критических статьях В. Лакшина, И. Виноградова, Ф. Светова, Ст. Рассадина, В. Кардина и других, опубликованных в «Новом мире», планомерно и целеустремленно культивируется тенденция скептического отношения к социально-моральным ценностям советского общества, к его идеалам и завоеваниям» [30, с. 96].

Главным лицемерием в этом «контрдоносе» было то, что «Молодую гвардию» атаковали многие издания – «Октябрь», «Литературная газета», «Знамя», однако разгромный ответ был дан только «Новому миру». При этом в полной мере было использовано против журнала Твардовского носящее «разоружающий, более того капитулянский характер» [30, с. 98] заявление Дементьева о неопасности для СССР западных влияний с «антиисторичной» ссылкой на Тургенева.

Заканчивалось письмо убийственным резюме: «Мы еще и еще раз утверждаем, что проникновение к нам буржуазной идеологии было и остается серьезнейшей опасностью. Если против нее не бороться, это может привести к постепенной подмене пролетарского интернационализма столь милыми сердцу некоторых критиков и литераторов, группирующихся вокруг “Нового мира”, космополитическими идеями… В провокационной тактике “наведения мостов” сближения или, говоря модным словом, “интеграции идеологий” они словно не хотят видеть диверсионного смысла» [30, с. 102].

Тема вражеских усилий по «наведению мостов» и «идеологическому сосуществованию» проходит красной нитью сквозь все обращение. Очевидно, именно эта тема на политическом уровне привлекала наибольшее внимание. Сталкивались сторонники и противники идей конвергенции.

В том виде, в котором оно было опубликовано в «Огоньке», письмо вызвало неоднозначную реакцию среди самих же сторонников «Молодой гвардии»: «Сейчас все говорят о статье в “Огоньке” против Дементьева. Либералы в ужасе и злобе. Я говорил уже “молодогвардейцам”, что это не челов<еческий> язык, а собачий лай. Интересно, хоть когда-нибудь научатся они говорить интеллигентно, а не пролетарским матом? Я давно уже учу: зачем говорить “дурак” – это грубо и оскорбительно, можно сказать: “вы не вполне компетентны в этом вопросе” – смысл тот же, а все благопристойно и нет повода тащить в участок (либеральный или черносотенный, все равно) за оскорбление словом», – размышлял в дневнике С.Н. Семанов [34, с. 223].

Солженицын «Письмо одиннадцати» комментирует совершенно безжалостно: «Подхватились самые поворотливые трупоеды – “Огонёк”, и дали по “Новому миру” двухмиллионный залп – “письмо одиннадцати” писателей, которых и не знает никто. Да уже не в защиту “страны отцов”, или там “духовного слова”, а – последние следы спора утопляя в политическом визге, в самых пошлых доносных обвинениях: провокационная тактика наведения мостов! чехословацкая диверсия! космополитическая интеграция! капитулянтство! Да ведь как аукнется. Ведь и Дементьев пишет: в опасности – марксизм-ленинизм, не что-нибудь другое. Волка на собак в помощь не зови» [9, с. 253].

«Не успел подписаться». Почему Солженицын совпал с «молодогвардейцами»?

Однако в оценке самой статьи Дементьева Солженицын оказывается ближе если не к «Огоньку», то к «Молодой гвардии». Он приходит в редакцию «Нового мира» к Твардовскому и ввязывается в горячий спор о недопустимости такой статьи, брани в адрес «Вех», которых в редакции никто даже не читал…

> «– Вообще, А.Т., статья Дементьева доставила мне боль. Не с той стороны вы их бьёте. Эта засохлая дементьевская догматичность...
> Очень насторожился:
> – Да я сам половину этой статьи написал. (– Не верю. У Твардовского есть эта несоветская черта: от ругаемой вещи не отшатываться, а любить больше прежнего. –) Ведь они – банда!
> – Не отрицаю. Но вы – всё равно не с той стороны... Помните, вы в Рязани, когда роман читали: «идти на костёр – так было б из-за чего».
> – Я зна-аю, – возбуждался он к спору и раскуривался, – вы ж – за церковки! за старину!.. (– Да не плохо бы и крестьянскому поэту тоже... –) *То-то они вас не атакуют* [здесь и далее до конца фрагмента выделено мной – *Е.Х.*].
> – Да меня не то что атаковать, меня и называть нельзя.
> – Но вам я прощаю. А мы – отстаиваем ленинизм. В нашем положении это уже очень много. Чистый марксизм-ленинизм – очень опасное учение (?!), его не допускают. Хорошо, напишите нам статью, в чем вы не согласны.
> Статья – не статья, а предыдущие страницы уже у меня были, тезисно на листочке. Статьи, конечно, я писать не буду вместо самсоновской катастрофы, но – можно ли говорить?..
> – Александр Трифоныч, вы “Вехи” читали?
> Три раза он меня переспросил! – слово-то короткое, да незнакомое…
> Тут перешли в другой кабинет к… Хитрову, Лакшину.
> Твардовский, громогласно-добродушно, но и задето:
> – Слушайте, он, оказывается, *двенадцатый к* “*письму одиннадцати*”, просто не успел подписаться!

> Когда смех перешёл, я:
> – А.Т., так нельзя: кто не с нами на 100%, тот против нас! Владимир Яковлевич [Лакшин]! Вы обязаны найти “Вехи” для А.Т. Да вы сами-то читали их?
> – Нет…
> И вдруг А.Т. посреди маленькой комнаты стоя большой, малоподвижный, ещё руки раскинув, и с обаятельной улыбкой откровенности:
> – Да вы освободите меня от марксизма-ленинизма, тогда другое дело. А пока – мы на нём сидим» [9, с. 255–256].

Твардовский уколол Солженицына и в самом деле характерным наблюдением – *«то-то они вас не атакуют»*. В «Письме одиннадцати» среди дюжины имен неблагонадежных писателей, ставимых в упрек «Новому миру», зияет своим отсутствием самое скандальное имя – Солженицын. Хотя к тому моменту он уже находится в тяжелейших отношениях с Союзом писателей (осенью он будет исключен, причем при самом непосредственном участии одного из крупных функционеров, приписываемых исследователями к «Русской партии», – Юрия Мелентьева). И он же постоянно публикуется с «антисоветскими пасквилями» на Западе. «Компрометировать» журнал, указывая на его сотрудничество с одиозным Солженицыным, авторы письма почему-то не захотели.

Еще более поразительно то, чем занят Солженицын в том же 1969 году, когда кипит спор вокруг красного славянофильства «молодогвардейцев», а авторы «Письма одиннадцати» при помощи «пролетарского мата» обличают «интеграцию идеологий»? Как ни парадоксально, но Солженицын занят тем же самым, но только пользуется он не «собачьим лаем» и «политическим визгом» публичного доноса, а пишет, сперва в расчете только на одного читателя – своего оппонента, полемическую статью против «Размышлений о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» академика Сахарова [32, с. 181–185].

Объект его полемики всё тот же – вненациональность либеральной интеллигенции и тщетность надежд на идеологическую конвергенцию СССР и Запада. «Пренебрегая живучестью национального духа, Сахаров упускает и возможность существования в нашей стране живых национальных сил», – упрекает он идеолога либерального диссиденства, полемика с которым станет стержнем солженицынской мысли на долгие годы [31, с. 19]. «Надежды Сахарова на конвергенцию не есть обоснованная научная теория, но нравственная жажда – покрыть атомный грех человечества, избежать атомной катастрофы. (В решении нравственных задач человечества перспектива конвергенции довольно безотрадна: два страдающих пороками общества, постепенно сближаясь и превращаясь одно в другое, что могут дать? – общество, безнравственное вперекрест)» [31, с. 20].

Оказывается, что Солженицын озабочен той же проблемой, что и «молодогвардейцы», – пресловутая «конвергенция», сопровождающая разрядку, может привести не к высвобождению русского начала, а лишь к дальнейшему стиранию национального лица России. Разница в том, что на эту угрозу Солженицын реагирует не на комсомольском языке, без всякого прилаживания русскости к коммунистической идеологии. Напротив, это Сахарова он, по сути, упрекает в том, что тот стоит на позициях либерал-коммунизма и апеллирует к мифическим «ленинским принципам». Из всех участников дискуссии о национальности и конвергенции только Солженицын полностью свободен от всяких апелляций к ленинизму и именно в этом его принципиальное отличие от «национал-комсомольцев».

«Распорядилась серая лапа»

Для судьбы журнала Твардовского дело закончилось убийственным рикошетом. «Новый мир» вписался в организованную против «Молодой гвардии» кампанию нарав-

не с «Октябрем», «Литературной газетой», «Знаменем» и прочими. Однако он атаковал с уязвимой позиции – марксизм пополам с либеральным космополитизмом не без налета русофобии. В результате «молодогвардейцам» и их высоким покровителям удобнее всего было отвечать изо всех орудий именно по «Новому миру» как по изрядно одиозному в глазах партийных чиновников изданию. Залп был настолько мощным, что журнал был уничтожен.

> «Приговор был подписан, – то ли с пафосом, то ли с иронией восклицает Александр Янов. – Не только Дементьеву, но и "Новому миру", который героически выстоял против бешеных атак всей сталинистской сволочи, который печатал Солженицына и Синявского, который стоял, казалось, несокрушимо, как одинокий утёс либерализма, среди бушующего океана реакции. И вот он пал. Пал – какова ирония! – не за Солженицына, не за Синявского, а за правоверную марксистскую статью, защищавшую чистоту идеологических риз партии» [цит по: 15, с. 432].

Янов утверждает, что «не один раз слышал от работников ЦК, что если не причиной, то действительным поводом для снятия Твардовского была статья Дементьева» [цит по: 15, с. 432]. Поддерживать Твардовского после дважды ошибочной статьи Дементьева (политически – поддерживавшей неприемлемую конвергенцию-интеграцию, а эмоционально – глубоко оскорблявшей русских) симпатизировавшей ему части аппарата оказалось довольно сложно. Наверху предпочли пойти на уступки возмущенным патриотам и «недобитым» шелепинцам. И вновь такое произойдет, когда в 1973 году Яковлев опубликует самоубийственную статью «Против антиисторизма» с эксплуатацией все тех же сюжетов, связанных с Чалмаевым, Лобановым и проч. Протесты Шолохова, и маршала Захарова привели к тому, что наказан был Яковлев.

Впрочем, не следует впадать в логическую ошибку «post hoc ergo propter hoc». Можно допустить, что само вовлечение «Нового мира» в атаку на «Молодую гвардию» было частью сконструированной ловушки, позволявшей сплотить против либерального журнала и патриотов, и коммунистов-ортодоксов, и критическую массу общественников и аппаратчиков, возмущенных русофобскими пассажами Дементьева.

Ни в коем случае нельзя забывать, что патриотическое движение 1965–1970 годов было достаточно мощной общественной силой с огромным количеством искренних, глубоко убежденных сторонников, с которой ЦК приходилось считаться. Столкнуть «Новый мир» с этим направлением было гораздо более перспективным способом ударить по Твардовскому, чем поддерживать конфликт с твердолобыми сталинистами из кочетовского «Октября».

Утопив с помощью столкновения с «Молодой гвардией» «Новый мир» Твардовского, оставлять на плаву журнал Никонова аппарат тоже не собирался. Прежний «Новый мир» забрал с собой на дно и прежнюю «Молодую гвардию», о чем не без торжества рапортовал А.Н. Яковлев:

> «В это время "Молодая гвардия" публикует третью статью – "О ценностях относительных и вечных", продолжающую линию статей Лобанова и Чалмаева. Ее автор Семанов тоже славил "национальный дух", "русскую почву", сделал вывод о том, что «перелом в деле борьбы с разрушителями и нигилистами произошел в середине 30-х годов». Словно и не было XX съезда с докладом Хрущева о преступлениях Сталина. Подобное кощунство над трагедией российского народа буквально шокировало общество. Посыпались письма в ЦК. Появились возмущенные отклики в "Комсомолке", "Литературке", "Советской культуре". Адепты шовинизма явно перебрали.
>
> Собранные нашим отделом письма я направил в Секретариат ЦК. У меня состоялся обстоятельный разговор по этому поводу с Демичевым. Отдел

> пропаганды и отдел культуры получили от Суслова и Демичева указание “поправить” журнал. Была подготовлена достаточно резкая статья для журнала “Коммунист”, в которой подверглись критике позиции Лобанова, Чалмаева и Семанова.
>
> “Подобного рода авторам, – говорилось в статье, – выступавшим преимущественно в журнале «Молодая гвардия», следовало бы прислушаться к тому рациональному, объективному, что содержалось в критике статьи «Неизбежность» и некоторых других, близких к ней по тенденции. К сожалению, этого не произошло. Более того, отдельные авторы пошли еще дальше в своих заблуждениях”.
>
> В статье подчеркивалось, что линия, обозначившаяся в журнале “Молодая гвардия”, придает журналу “явно ошибочный крен”.
>
> Я участвовал, по поручению Суслова, в подготовке и окончательной редакции этой статьи. Последовали и оргвыводы: Секретариат ЦК снял Никонова с поста главного редактора журнала “Молодая гвардия”. Вместо него был назначен Иванов – его заместитель, по своим взглядам ничем от Никонова не отличавшийся, но из конъюнктурных соображений мягко открестившийся от статей указанных выше авторов. Будучи на беседе в отделе, он говорил, что он не разделяет взгляды вульгарных “почвенников”, стоит на позициях истинного патриотизма. Я сам беседовал с Ивановым. Он всячески пытался изобразить из себя реально мыслящего писателя, не примыкающего ни к одному лагерю. Лгал, одним словом» [24].

Сознательно или нет, но Яковлев искажает хронологию событий. Подготовленная его усилиями статья В. Иванова вышла в июльском номере журнала «Коммунист» за 1970 год и посвящена была не критике статьи Семанова, вышедшей в августовском номере «Молодой гвардии», а продолжала длившуюся уже второй год полемику против чалмаевской «Неизбежности». Упоминание статьи Семанова вставлено в конец статьи Иванова одним абзацем, совершенно искусственно, без всякой развернутой полемики, очевидно на последней стадии подготовки к печати: «Печать неоднократно критиковала подобные ошибки ревнителей всей старины. Но они не считаются с этой критикой. Совсем недавно появилась статья кандидата исторических наук С.Н. Семанова “О ценностях относительных и вечных» (“Молодая гвардия”, № 8, 1970). “Литературная газета” в реплике, опубликованной в № 36 от 2 сентября 1970 года, правильно отмечала, что подобное выступление есть очередная попытка под видом дискуссии подвергнуть сомнению давно решенные и ясные вопросы» [33, с. 93].

Начало кампании против «Молодой гвардии» Виктор Петелин фиксирует задолго до статьи Семанова, воспринимая выступление журнала «Коммунист» как увенчание войны с журналом: «В начале 1970 года уже чувствовалось что-то неладное: атмосфера сгущалась… Придирки цензуры, выговоры ЦК ВЛКСМ следовали один за другим. Работать стало невмоготу, а критика раздавалась со многих сторон: не говоря уже о критических статьях в газетах и журналах, порой и на партийных собраниях жестко прорабатывались материалы из “Молодой гвардии”. Даже журнал “Коммунист” выразил удивление, что в нашем издании много раз упоминаются Сергий Радонежский, другие святые люди, разрушенные исторические памятники...» [29].

Основное содержание статьи Иванова с текстом Семанова никак не связано – на много страниц восхвалялся ленинский подход к культурному строительству, состоявший во всестороннем укреплении многонациональности. В качестве выдающихся достижений на культурном фронте указывалось на «популярные, поистине всенародные мероприятия, связанные с юбилеями великих деятелей отечественной культуры» – Пушкина, Толстого,

Достоевского, Чехова, Шевченко, Руставели, Алишера Навои, Саят-Новы, Донелайтиса и многих других.

> «Новые культурные ценности и традиции наиболее полно и ярко выражают духовное величие советского народа, объединяющего братскими узами дружбы, советского патриотизма и пролетарского интернационализма свыше ста наций и народностей, советского народа, который построил социализм и вступил в период развернутого строительства коммунизма» [33, с. 90].

Во имя многонациональности и ленинских принципов выносился приговор русской старине и ее защитникам: «Вряд ли можно согласиться с теми, кто готов зачислить в "неприкасаемые" любую, не имеющую никакой архитектурной ценности церквушку» [33, с. 89]. Заметим тот же мотив, что и у Дементьева с пресловутой *«церквушкой»*, с которой надо покончить любой ценой.

Проехавшись коротко по ошибкам Дементьева: «полемизируя с отдельными проявлениями идеализации патриархальщины, он высказал недоверие вообще к национальным чувствам и подверг осмеянию то, что и в самом деле дорого народу: любовь к родной земле и т. п.» [33, с. 91], основной удар «Коммунист» сосредоточил на чалмаевской «Неизбежности»:

> «Статья эта сразу обратила на себя внимание прежде всего, пожалуй, именно беспрецедентным для нашей современной критики внесоциальным подходом к истории, смешением всего и вся в прошлом России, попыткой представить в положительном свете не только истинные ценности в нем, но и все реакционное, вплоть до высказываний даже таких архиреакционеров, как Константин Леонтьев, В.В. Розанов и т.п. Естественно, что статья эта вызвала резко критические отклики во многих органах печати. Были раскритикованы и внесоциальный подход Чалмаева к истории, и поверхностное знание автором ряда фактов.
>
> Подобного рода авторам, выступавшим преимущественно в журнале "Молодая гвардия", следовало бы прислушаться к тому рациональному, объективному, что содержалось в критике статьи "Неизбежность" и некоторых других, близких к ней по тенденциям. К сожалению, этого не произошло. Более того, отдельные авторы журнала пошли еще дальше в своих заблуждениях, забывая прямые ленинские указания по вопросам, о которых взялись судить» [33, с. 92]

Статья в «Коммунисте» неумолимо подводила к оргвыводам:

> «Разумеется, было бы необъективно связывать все материалы, публикуемые в "Молодой гвардии", с "линией", выраженной в упомянутых и некоторых других статьях, к сожалению, нашедших место в журнале. В нем напечатано и немало ценных произведений прозы, поэзии и других жанров. Но сейчас речь идет о том, что не может не беспокоить советскую общественность, что придает этому журналу явно ошибочный крен. И критика в его адрес в связи с подобными выступлениями вполне обоснована» [33, с. 93].

По утверждению Дирка Кречмара: «Заместитель заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС (а по существу его фактический руководитель) А.Н. Яковлев, по указанию М.А. Суслова и якобы при содействии заместителя руководителя отдела культуры ЦК Альберта Беляева добился того, что в ноябре 1970 г. состоялось заседание Политбюро ЦК, на котором обсуждался вопрос об ошибочной идеологической направленности "Молодой гвардии", а также критиковались проявления религиозной пропаганды в некоторых средствах массовой информации» [35, с. 41].

«Мы, члены редколлегии, добились приема у секретаря ЦК по пропаганде Демичева. За его служебным столом выступали Владимир Солоухин, Анатолий Иванов, Василий

Федоров, я, Владимир Чивилихин», – вспоминал М.П. Лобанов [цит по: 15, с. 436]. Однако «участь А.В. Никонова как главного редактора была предрешена. На заседании Секретариата ЦК в ноябре 1970 г. он был снят с поста главного редактора "Молодой гвардии" за допущенные "ошибки» в работе и заменен "в целях укрепления руководства" журнала функционером из ЦК КПСС Ф. Овчаренко (которого в 1972 году сменил на этом посту писатель А.С. Иванов)» [15, с. 436]. «Никонова перевести главным редактором журнала "*Вокруг света*" *а Петелина – временно главным редактором журнала* "*Славянофильство*", – подвел убийственный итог обсуждению всезнающий Суслов», – сообщает Виктор Петелин о юморе главного советского идеолога [29].

«Распорядилась серая лапа», – резюмировал конец истории твардовского «Нового мира» Солженицын, впрочем, те же слова можно было отнести и к истории никоновской «Молодой гвардии».

В 1973 году очередной тур борьбы с почвенниками отправит на карьерное дно (временно) и самого Яковлева, наказанного за его статью «Против антиисторизма», «Русская партия» возьмет частичный реванш за предшествующее поражение, однако этот сюжет к вопросу о взглядах Солженицына уже прямого отношения не имеет [подробно вопрос рассмотрен: 15, с. 439–462].

Развитие ситуации с «Молодой гвардией» в не меньшей степени, чем развитие ситуации с «Новым миром», убеждало Солженицына в том, что путь сотрудничества с коммунистической властью и идеологического прилаживания к ней бесперспективен. Коридор для русского чувства оставлен был ею очень узкий, в пределах многонациональных писаний В. Иванова из журнала «Коммунист», и за попытки хода вправо или влево полагался если не расстрел, как в 1930-х, то издевательская пожизненная ссылка в журнал, по профилю не могший писать ничего для России и служивший для советских людей окном в мир, который они никогда не увидят.

Контуры идеологического соседства

Использовать сюжет, связанный со статьями В. Чалмаева и других в «Молодой гвардии» в качестве доказательства непринадлежности Александра Солженицына к русским националистам, как это делает Дэниэл Дж. Махони, попросту невозможно, поскольку именно этот сюжет доказывает прямо противоположное. Вопреки теснейшей связи с «Новым миром», вопреки тому, что новомирцы были для Солженицына «своими», а среда «молодогвардейцев» в значительной степени чужой, вопреки отвращению к национал-большевизму и антипатии к «малограмотности» комсомольской публицистики Солженицын тем не менее публично солидаризуется с Чалмаевым по чисто идеологическим основаниям. И это основание – приверженность к русской почве, к исторической России, проще говоря – *русский национализм.*

Отношения с Солженицыным деятелей «молодогвардейского» круга складывались впоследствии по-разному. Валерий Ганичев, возглавляя Союз писателей России и Всемирный русский народный собор, активно с ним взаимодействовал [42]. В текстах Михаила Лобанова, перешедшего на сталинистские позиции, неоднократно встречаются антисолженицынские выпады [40, с. 553, 741, 746, 755, 783]. Виктор Чалмаев, не держа зла на эпитет «темный», которым он награжден в солженицынской автобиографии, выпустил первую написанную на Родине книгу о писателе – «Александр Солженицын. Судьба и творчество», вышедшую в 1994 году [41].

Нет абсолютно никаких оснований утверждать, что статья «Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни» является «честной палкой», применяемой Солженицыным против условного Чалмаева. Ключевая для солженицынских «Вех» – сбор-

ника «Из-под глыб» – статья пишется в 1973 году, совершенно в другом интеллектуальном контексте, для которого полемика 1969 года была далеким прошлым.

Солженицынская интерпретация национального покаяния заточена прежде всего против самиздатского сборника «Metanoia», вышедшего из кругов о. Александра Меня и опубликованного в № 97 «Вестника РСХД» за 1970 год. Фактически эта статья начинает традицию антирусофобской полемики Солженицына. Под теми же национал-большевистскими кругами, которые не осознают необходимости национального покаяния, подразумеваются в этой статье не авторы «Молодой гвардии», а национал-патриоты из самиздатовских кругов, прежде всего Геннадий Шиманов и круг журнала «Вече», возглавляемый Владимиром Осиповым. Их привычка писать «бог» с маленькой буквы, а «Правительство» с большой и была неприемлема для Солженицына, однако и в этом случае он ведет с ними только обобщенную полемику, в то время как авторы «№ 97» удостаиваются резкого разбора с цитатами [23].

«Раскаяние и самоограничение», несомненно, отделяет Солженицына от националистов прокоммунистического толка, но в гораздо большей степени и статья, и сборник «Из-под глыб» в целом обозначают, по сути, непреодолимую грань между Солженицыным и либерально-космополитической, русофобствующей «образованщиной». В «Из-под глыб» сформулирована собственная солженицынская версия русского национализма, включающая в себя как теорию нации, так и конкретную политическую программу.

Мы можем нащупать целый ряд общих мотивов и влияний, которые обнаруживаются в публицистике Солженицына именно после знакомства с публикациями Лобанова и Чалмаева в «Молодой гвардии».

Во-первых, это категорическое неприятие идеи *«нивелировки наций»*. Этот тезис из статей Лобанова и Чалмаева возносится в итоге до высот «Нобелевской лекции»:

> «За последнее время модно говорить о нивелировке наций, об исчезновении народов в котле современной цивилизации. Я не согласен с тем, но обсуждение того – вопрос отдельный, здесь же уместно сказать: исчезновение наций обеднило бы нас не меньше, чем если бы все люди уподобились, в один характер, в одно лицо» [39, с. 16].

Во-вторых, неприятие *интеграции-конвергенции* между социалистическим СССР и либеральным Западом. Этот ключевой для «шелепинцев» конца 1960-х мотив постоянно всплывает и у Солженицына, хотя у него он приобретает совершенно иное звучание. Не защита СССР и советской идеологии от чуждых западных влияний, а опасность взаимного усиления одинаково опасных для истинной традиции сил – коммунизма и либерализма, вытекающих из общей идеологии Просвещения. Однако и «молодогвардейцы», и Солженицын одинаково формулируют свою практическую задачу: растащить Россию, подвластную советам, и Запад по разным углам, с тем чтобы Россия смогла прийти к собственным началам. «Молодогвардейцы» делают это, нагнетая антиамериканскую риторику холодной войны, Солженицын, сперва, в «Письме вождям», пытаясь отговорить их от участия в этой холодной войне и принять изоляционистскую и антикитайскую идеологию, затем, после высылки, подстрекая сам Запад оттолкнуть от себя СССР. Так или иначе, на долгой дистанции идея дивергенции и цивилизационного суверенитета России, торжествует над идеями конвергенции, во что огромен вклад как Солженицына, так и «Русской партии» [32].

В-третьих, Солженицын подхватывает концепцию Лобанова о «просвещенном мещанстве». Даже в тексте «Бодался телёнок с дубом» он прочерчивает очевидную связь между лобановской статьей и своим понятием «образованщины». Конечно, у «образованщины» и «просвещенного мещанства», более глубокий общий корень – это консервативная концепция «полупросвещения». А непосредственным провоцирующим импульсом для знаменитой статьи Солженицына, по всей видимости, выступила статья Владимира Кор-

мера (Алтаева) «Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура» [23]. Однако серьезное «вдохновляющее» влияние статья Лобанова, несомненно, на писателя оказала.

В-четвертых, Солженицыну оказывается достаточно близка идеология р*усского аскетизма,* которую усиленно пропагандируют и Лобанов, и Чалмаев, и многие другие публицисты «Русской партии». Он придает этой идеологии (звучащей местами несколько обскурантистски, так как создается впечатление, что она заточена против нормальной жизни человека, которой советские граждане были в советскую эпоху лишены) значительно более благородную конструкцию через философски-богословский принцип *самоограничения*. Однако неприятие материально понимаемого прогресса, уничтожающего национальную душу, сроднит Солженицына с публицистами «Русской партии» и писателями-деревенщиками навсегда. Характерной связью является и почтение к идеям Глеба Успенского и его образу «власти земли», которые одинаково сильны и у Солженицына, и у «молодогвардейцев».

В то же время прямые контакты между «Русской партией» и Солженицыным практически отсутствовали. Логика усиления борьбы с западным влиянием на фронтах «психологической войны» толкала большинство активистов «Русской партии» ко все более враждебному отношению к Солженицыну как к «национал-предателю». Исключением были ярко выраженные «белые» – Илья Глазунов, который изобразил писателя на своем наделавшем шуму полотне «Мистерия XX века» и охотно давал Сергею Викулову, Михаилу Лобанову (да уж конечно не им одним) читать произведения Солженицына [10, с. 347; 40, с. 464], и Владимир Солоухин, превратившийся в пламенного пропагандиста творчества писателя [4].

Однако необходимо осознавать, что дело было не только в доброй воле самих активистов «Русской партии». Они играли по правилам советской системы, и эта система достаточно бдительно присматривала за тем, чтобы ее подопечные «русисты» не вошли в слишком тесный контакт с политическим иноходцем. Такова была история напористой непубликации «Августа четырнадцатого», о которой рассказывает Валерий Ганичев.

> «В это время началась солженицынская эпопея. Он закончил свою книгу “Август четырнадцатого года”, и мы получили (как и все крупные издательства) его письмо о том, что он закончил свою работу над этой книгой. И вопрос: не заинтересуемся ли мы его романом. Уже в полдень после получения раздался звонок от зав. сектором литературы ЦК КПСС Беляева: “Солженицыну – не отвечайте!” А через день неожиданно появился генерал КГБ Ф.Д. Бобков и порекомендовал нам издать книгу американской писательницы Барбары Такман “Августовские пушки” о начале Первой мировой войны…» [38, с. 244].

Американка, с ее достаточно насмешливым отношением к русским военным усилиям подходила Андропову и его подчиненным больше, чем Солженицын. Впрочем, вскоре КГБ доставит издателям-комсомольцам более ценный кадр, профессора Н.Н. Яковлева (будущего автора антисолженицынских пасквилей), сочинение которого о Первой мировой войне будет изобиловать как востребованными в ту пору конспирологическими построениями (и этим выгодно отличаться, на взгляд активистов «Русской партии», от романа Солженицына), так и дежурными пасквилями на русскую монархию – «гангрена самодержавия» и пр.

Для описания взаимоотношений между Александром Солженицыным и «Русской партией», если подразумевать под нею динамическое ядро, вращавшееся вокруг «Молодой гвардии», «Русского клуба» и т.д., лучше всего, пожалуй, пригодно понятие соседства, которое ввел Лев Лосев, описывая взаимоотношения Солженицына и Бродского [43]. И тот и другой герой все время оказываются рядом, хорошо друг друга знают, реагируют на публикации и выступления, но тем не менее присутствует и очевидное не-

совпадение временных ритмов или существенные разногласия. Здесь можно вспомнить невстречу Толстого и Достоевского и совсем уж нелепую невстречу того же Солженицына с Набоковым.

Охранение «злой жизни» или реставрация будущего?

Что же лежало в основе несовпадения и невстречи Солженицына и «Русской партии»? Прежде всего – несовпадение отношения к коммунистической власти и практики взаимодействия с нею.

Солженицын отказался от каких-либо компромиссов с «Драконом» и либо был исключен, либо самоисключился из любых легальных форма советского литературного процесса. Его уделом стали диссидентство, тамиздат, самиздат, а затем пребывание в изгнании с полной, стопроцентной свободой высказывания по любым общественно-политическим вопросам.

Вся «Русская партия» существовала в легальном советском поле – если не в составе КПСС, то внутри советского официоза. И именно в этой «прислоненности к власти» был секрет того значительного влияния, которое оказывали эти люди. Они отделывались цитатами из Ленина в своих статьях, портретами Брежнева на обложках журналов, учетом цензурных рогаток, но делали наиважнейшее, со своей точки зрения, дело – энергично осуществляли русское национальное возрождение в культуре, искусстве, издательском деле, общественной мысли.

Эти усилия по русскому возрождению не были бесплодными. Если в 1969 году рассуждения Виктора Чалмаева о неизбежности присутствия на страницах советских исторических романов царей и патриархов вызвали скандал, то к началу 1980-х, когда научился читать автор этих строк, огромный массив произведений о России, о русскости, о русской истории, где были и цари, и патриархи, а не только Разин, Пугачев и Радищев, был чем-то само собой разумеющимся, как воздух. Каких эпических масштабов может достичь рассказ о русском прошлом, показала серия романов Дмитрия Балашова «Государи Московские» (до конца советской эпохи написаны: «Младший сын» (1975), «Великий стол» (1979), «Бремя власти» (1981), «Симеон Гордый» (1983), «Ветер времени» (1987), «Отречение» (1989)).

В одной из первых книг моего поколения, «Книге будущих командиров» Анатолия Митяева, выпущенной издательством «Молодая гвардия», руководимым Валерием Ганичевым, наравне шли Владимир Мономах, Дмитрий Донской, русские стрельцы, Суворов и генерал Брусилов. Все это было отягощено трескотней о «ленинском плане вооруженного восстания». Но трескотня и без того была всюду, а картина родной (а заодно еще и античной) истории – только здесь. А сколько еще в рамках той же идеологии было написано детских книг, снято мультфильмов, вырабатывавших с младых ногтей устойчивую национальную и этническую русскую идентичность. К середине 1980-х «зона умолчаний» в русской истории сжалась до последних предреволюционных десятилетий и деятельности тех самых консерваторов, от наследства которых отказывался критик Дементьев, но и там белые пятна неуклонно сокращались.

То есть компромисс, на который шла «Русская партия», не был бесплодным для русского национального сознания. Полученные возможности, особенно до начала «андроповских» гонений в 1981 году, использовались достаточно эффективно.

Однако так обстояло дело лишь на уровне практической деятельности «под глыбами». Ловушкой «подсоветского» русского национализма был тот факт, что ради практической деятельности по национальному возрождению, ему приходилось принимать конструкцию, в рамках которой Советский Союз являлся нормальным русским государством.

Требовалось предполагать, что интересы руководящей верхушки КПСС и интересы русской нации совпадают, и конечной целью ЦК является благо этой нации.

Иными словами, для самообоснования своей деятельности и нормальности своего существования «Русской партии» приходилось существовать в фантастическом мире.

Объем фантазма становился очевиден, когда власть в очередной раз что-нибудь запрещала, кого-то сажала или увольняла. Раз за разом выяснялось, что русские интересы и интерес установленной в 1917 году большевистской диктатуры не совпадают, а чаще всего прямо противоречат. Между тем, никакой свободы критики антирусских политических основ советского строя и конкретных вредных русской нации решений Политбюро избранная «Русской партией» модель отношений не позволяла. Бороться оказывалось возможным лишь против периферийных проектов, вроде «разворота северных рек». Но чтобы остановить перекрытие Ангары плотинами, всех усилий русских патриотов было уже недостаточно.

И здесь оказывались очевидными преимущества положения Солженицына. Безусловно, возможности осуществлять национальное просвещение были у него минимальны. Ни «Письмо вождям», ни «Из-под глыб» не были знакомы даже большинству из тех, кто прочел «Архипелаг ГУЛАГ». Большинство публикаций и высказываний писателя по русскому вопросу были доступны в СССР лишь единицам. Единственным прорывом, немедленно приведшим к скандалу в США, стало чтение по «Голосу Америки» столыпинских глав «Августа четырнадцатого». То есть Солженицын не мог сделать для русификации русских и тысячной доли того, что могла сделать и делала «Русская партия».

Однако даже в своем изолированном состоянии Солженицын сохранялся как эталон мысли и действия свободной русской нации. Он осмыслял, спорил, менялся, разочаровывался в одних идеях и выдвигал другие. В целом он все более сдвигался к позиции русских национальных интересов, причем не только национал-идеализма, как в раннем творчестве, но и национального реализма. Солженицын был тем фактором осознания, что без власти Политбюро русскость, русская национальная политическая и общественная мысль, русская политика возможны. Причем возможны не только в качестве любимой рабыни, возлагаемой на погребальной костер господствовавшей системы, но и в качестве самостоятельной силы, носительницы языка национальных интересов.

В 1969 году Сергей Семанов записывает в дневнике о своем отношении к вождям белого движения: «9/II. Лавр Георг<иевич> – герой, Ал<ексан>др Васил<ьевич> – рыцарь, Антон Ив<анович> – военачальник, Петр Ник<олаевич> – вождь. Так я их и опишу. И присных»[3] [34, с. 218]. А дальше прибавляет следующую формулу, которая много поясняет в политическом мировоззрении Семанова и его единомышленников и в том, что их разделяло с Солженицыным:

> «Законность власти определяется временем, привычностью к ней народа. То есть: восставать и бороться против Бланка – это есть борьба за восстановление законной власти, а бунтовать против Иосифа Виссар<ионовича> и его наследников – деяние греховное. В России были и будут благими лишь преобразования, осуществляемые сверху» [34, с. 218].

Приняв такую логику, Сергей Семанов и единомысленные с ним деятели «Русской партии», восхищаясь белым движением, зачастую – ностальгируя по исторической царской России, однако закрывали себе реальный путь к *реставрации* этой России. Коммунизм оказывался в понимании «Русской партии» *вечным настоящим* русского народа. которое можно лишь частично улучшить, либо дождаться, что оно перемениться как-нибудь само. А пока следовало заниматься национальным просвещением в разрешенных властью

[3] Корнилов, Колчак, Деникин, Врангель.

формах, постепенно расширяя его границы (а границы периодически, напротив, сужались, что ощутил на себе Семанов в 1981 году).

Радикальный антикоммунизм Солженицына, отношение к советской власти как к уродливому болезненному наросту на теле России (хочет того писатель или нет, но «Раковый корпус» считывается как развернутая метафора), позволяют ему относиться к русскому прошлому не как к мемориальной ценности, а как к актуальному наследию, которое должно быть развито и продолжено внахлест, поверх советского периода.

> «Той России, которой служит, которую от “хулителей” защищает и к которой обращается Солженицын, – …России этой *нет* и никогда не было. Он ее выдумывает, в сущности, именно *творит*. И творит “по своему образу и подобию”, сопряжением своего огромного творческого дара и… гордыни», – писал протоиерей Александр Шмеман [36, с. 488].

Здесь известный либеральный богослов верно улавливает, но неверно оценивает основное настроение Солженицына. Писатель предпочитает не *вспоминать*, а *воссоздавать* и *обустраивать* Россию, воспринимая прошлое как созидательный материал. Его задача – это не столько сохранение прошлого, сколько *реставрация будущего*.

Актуально действительное, жизненное, эмпирически данное, в лице существующей советской власти не заслоняет для него должного. Ведь «бывает злая жизнь», как справедливо отмечал Георгий Флоровский:

> «Не во всякой жизни воплощается одна и та же, “истинная” идея. Мало и недостаточно уловить “смысл происходящего”. Может оказаться, что события текут в бездну отпадения, – и в этом их “смысл”. Подобает ли тогда радоваться, подобает ли разрушительные идеи возводить в мерило и идеал, как бы ни были они пестры и многоцветны, как бы «органически» ни были они сращены с жизнью... Бывает злая жизнь. И ей надлежит противиться, без примирения и уступок. В таком противлении нет никакой отвлеченности, нет гордости и отщепенства» [37, с. 240].

При этом «злая жизнь» советчины оказывается для Солженицына лишь одним из поворотов протяжного течения исторической жизни русского народа. В этом смысле он более последователен в принятии той историософии вечного русского пути, которую некогда провозглашал Виктор Чалмаев в «Неизбежности». Большинство национал-коммунистов как бы зачарованы данностью ставшего, казалось, исторической неизбежностью советского режима, а всякая угроза ему понималась ими как угроза России. В этих условиях их выбором стало оборонительное недеяние. Солженицын не зачарован этой мнимой вечностью, хотя отлично осознает всю меру опасности того, что русские могут и не выбраться из-под развалин советского строя.

> «Зубы русоненавистников уже сейчас рвут русское имя. А что же будет потом, когда в слабости и немощи мы будем вылезать из-под развалин осатанелой большевицкой империи? Ведь нам не дадут и приподняться…» [8, с. 137].

Однако выбор Солженицына в этих условиях не недеяние, не оборона, а напротив – действие, наступление, воссоздание грядущей России, причем как преемницы прежде всего России исторической, царской, а не советской.

> «Постепенно с годами выяснился истинный смысл моего нового положения и моя новая задача. Эта задача: отстояние неискаженной русской истории и путей русского будущего. К извечным врагам большевикам прибавляется теперь и враждебная восточная и западная образованщина, да кажется – и круги помогущественней…

Распалил я бой на главном фронте – а за спиной открылся какой-то Новый? Сумасшедшая трудность позиции: нельзя стать союзником коммунистов, палачей нашей страны,

но и нельзя стать союзником врагов нашей страны. И всё время без опоры на свою территорию. Свет велик, а деться некуда. Два жорна» [8, с. 137].

Солженицынская стратегия в этой трудной позиции – воссоздать свою территорию, «выдумать» Россию – ее границы, устройство, политику, экономику, идеологию, ее место в мире и мир вокруг нее, даже географию. А выдумав – воплотить, сделав слово материальным.

Огромность Солженицына позволяла ему выступать в некоторые моменты едва ли не самодостаточным и незаглушимым голосом русской нации, размещая те или иные идеи и политические проекты в пространстве длительной временной протяженности.

При этом, выступая в качестве голоса нации, Солженицын с первых шагов своей публицистики постоянно усваивает, перехватывает, перерабатывает идеи «Русской партии», освобождая их от национал-коммунистических утопий и от неконтролируемых имперских фантазий. В лице Солженицына «Русская партия» обрела внимательного, критичного, но очень восприимчивого собеседника и идеологического «смежника». Во многом именно через наследие Солженицына многие лучшие идеи этой партии (худшие зажили какой-то своей теневой жизнью) стали или становятся частью политики современной России.

Идеологическое соседство «Русской партии» и Солженицына оказалось в конечном счете чрезвычайно плодотворным.

Литература

1. *Palat, M.K.* Solzhenitsyn: Historian of Decline and Prophet of Resurrection // Путь Солженицына в контексте большого времени: Сборник памяти. 1918–2008. М.: Русский путь, 2009.
2. *Эриксон Э.Э., мл.* Мировоззрение Солженицына // Солженицын: мыслитель, историк, художник: Западная критика 1974–2008. М.: Русский путь, 2010.
3. *Махони Д.Д.* Возвыситься над современностью: Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни // Солженицын: мыслитель, историк, художник: Западная критика 1974–2008. М.: Русский путь, 2010.
4. *Солоухин В.* Слово о Солженицыне // Наш современник. 1990. № 1.
5. *Холмогоров Е.* Улица Солженицына // Новый мир. 2018. № 12.
6. *Солженицын А.И.* «Русский вопрос» к концу XX века / А.И. Солженицын // Русский вопрос на рубеже веков. М.: АСТ, 2016.
7. *Солженицын А.И.* Россия в обвале / А.И. Солженицын // Русский вопрос на рубеже веков. М.: АСТ, 2016.
8. *Солженицын А.И.* Угодило зернышко промеж двух жерновов: Очерки изгнания. Гл. 6: Русская боль // Новый мир. 2000. № 9.
9. *Солженицын А.И.* Бодался телёнок с дубом: Очерки литературной жизни / А.И. Солженицын // Собр. соч.: в 30 т. Т. 28. М.: Время, 2018.
10. *Митрохин Н.* Русская партия: движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2003.
11. *Вайль П., Генис А.* 60-е. Мир советского человека. М.: Новое литературное обозрение, 1998.
12. *Лотарева А.* Журнал «Молодая гвардия» и идеологические противоречия 1960-х годов // Библиотековедение. 2010. № 3.
13. *Ганичев В.Н.* «Русский орден» в ЦК партии: мифы и реальность (Беседа с Владимиром Бондаренко) // Завтра. 2002. 3 июня. № 23 (446).
14. *Сегень А.* Русский писатель не может не быть православным: Беседа с писателем Валерием Ганичевым [Электронный ресурс] // Православие.ру. 2014. 1 августа / Режим доступа: https://pravoslavie.ru/72660.html
15. *Кожевников А.Ю.* Русский патриотизм и советский социализм. М.: Прометей, 2017.
16. *Семанов С.* Русская партия в чужом зеркале // День литературы. 2003. № 6 (82).
17. *Ганичев В.Н.* «Молодая гвардия». 1968–1978: Из воспоминаний [Электронный ресурс] // Москва. 2013. № 9 / Режим доступа: http://www.moskvam.ru/publications/publication_963.html
18. *Воронов В.Н.* Заклинания духов // Юность. 1968. № 2.
19. *Чалмаев В.* Неизбежность // К не нашим / сост. С. Семанов. М.: ИИПК «Ихтиос», 2006.

20. *Солженицын А.И.* Чем грозит Америке плохое понимание России / А.И. Солженицын // Публицистика: в 3 т. Т. 1. Ярославль: Верхне-Волжск. кн. изд-во, 1995.

21. *Лобанов М.* Просвещенное мещанство // За очаги и алтари. М.: Советская Россия, 1989.

22. *Дементьев А.Г.* О традициях и народности // К не нашим. / сост. С. Семанов. М.: ИИПК «Ихтиос», 2006.

23. *Холмогоров Е.С.* Поминки по полупросвещению. «Вехи», «Из-под глыб» и идеология Солженицына // Тетради по консерватизму. 2017. № 4.

24. *Яковлев А.Н.* Омут памяти. М.: Вагриус, 2001. [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://biography.wikireading.ru/158561

25. *Межуев Б.* «Перестройка-1»: столкновение альтернатив. «Наедине с собой» Михаила Горбачева [Электронный ресурс] // Гефтер. 2013. 9 августа / Режим доступа: http://gefter.ru/archive/9668

26. *Ланщиков А.П.* Осторожно – концепция! // За очаги и алтари. М.: Советская Россия, 1989.

27. *Твардовская В.А.* Дементьев против «Молодой гвардии» // Вопросы литературы. 2005. № 1.

28. *Павлов Ю.* Русский критик на передовой // Наш современник. 2005. № 11.

29. *Петелин В.* Противостояние // Литературная газета. 2007. № 32 (6132).

30. Против чего выступает «Новый мир»? // К не нашим / сост. С. Семанов. М.: ИИПК «Ихтиос», 2006.

31. *Солженицын А.И.* На возврате дыхания и сознания // Из-под глыб: Сборник статей. Paris: YMCA-Press, 1974.

32. *Холмогоров Е.С.* Старый порядок и реставрация: Идеология Солженицына в координатах анти-Просвещения // Тетради по консерватизму. 2018. № 2.

33. *Семанов С.* Брежнев: Правитель золотого века. М.: Вече, 2006; [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://litvek.com/books/71815-kniga-sergey-nikolaevich-semanov-brezhnev-pravitel-zolotogo-veka

34. *Семанов С.* Дневник 1969 года // Вопросы национализма. 2012. № 12.

35. *Кречмар Д.* Политика и культура при Брежневе, Андропове и Черненко. 1970–1985 гг. М.: АИРО – XX век, 1997.

36. *Шмеман Александр, прот.* Дневники. 1973–1983. М.: Русский путь, 2005.

37. *Флоровский Г.В.* Евразийский соблазн // Россия между Европой и Азией. Евразийский соблазн: Антология. М.: Наука, 1993.

38. *Ганичев В.Н.* Останавливая антиисторизм / В.Н. Ганичев // О русском. М.: Ин-т русской цивилизации, 2013.

39. *Солженицын А.И.* Нобелевская лекция / А.И. Солженицын // Публицистика: в 3 т. Т. 1. Ярославль: Верхне-Волжск. кн. изд-во, 1995.

40. *Лобанов М.* Твердыня духа. М.: Институт русской цивилизации, 2010.

41. *Чалмаев В.А.* Александр Солженицын: Жизнь и творчество. М.: Просвещение, 1994.

42. *Ганичев В.* Солженицын – прозаик «первого ряда русской классической литературы» [Электронный ресурс] // Телеканал «Культура» 2008. 4 августа / Режим доступа: https://tvkultura.ru/article/show/article_id/34877/

43. *Лосев Л.* Солженицын и Бродский как соседи. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010.

44. *Чалмаев В.* Великие искания // Молодая гвардия. 1968. № 3.

45. *Чалмаев В.* Неизбежность // Молодая гвардия. 1968. № 9.

46. *Чалмаев В.* Философия патриотизма // Молодая гвардия. 1967. № 10.

47. *Робинсон А.Н.* Жизнеописания Аввакума и Епифания. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Аннотация. В статье рассматриваются попытки ряда западных исследователей «очистить» имя Александра Солженицына от «обвинения» в русском национализме. Эти попытки, предпринимаемые из лучших побуждений предотвратить исключение имени русского писателя из консенсусного поля современной западной академической культуры, ведут к существенным искажениям понимания его творчества. Одним из таких искажений является представление о принципиальном несовпадении позиций Солженицына и так называемой «Русской партии», сложившейся в 1960–1970-х годах вокруг журнала «Молодая гвардия». Отталкиваясь от описанного Солженицыным в мемуарах «Бодался телёнок с дубом» известного эпизода, когда он не поддержал «Новый мир» Твардовского в полемике против «Молодой гвардии», в статье рассматриваются зарождение и идеи «Русской партии», анализируется журнальная полемика вокруг статей Виктора Чалмаева «Неизбежность» и Михаила Лобанова «Просвещенное мещанство». После сочтенной многими русофобской и идеологически вредной статьи критика А.Г. Дементьева и жесткого ответа на нее – «Письма одиннадцати» эта полемика привела к ликвидации редакции «Нового мира» во главе с Твардовским, а вскоре был заменен

и главный редактор «Молодой гвардии» Никонов. Показано, что несмотря на близость с «Новым миром» и значительное расстояние, отделявшее писателя от круга «Молодой гвардии», Солженицын солидарен с публицистами «Русской партии» по большинству ключевых вопросов тогдашней идейной повестки. В этом эпизоде «нелояльности» Солженицына к «своему» журналу прослеживаются истоки его дальнейшей эволюции как публициста и политического мыслителя, систематически полемизирующего с русофобией либеральной интеллигенции и отстаивающего интересы русской нации. В заключительной части статьи предлагается описывать взаимоотношения Солженицына и «Русской партии» через образ «идеологического соседства» (подобного литературному соседству Солженицына и Бродского, описанному Львом Лосевым), а также дается обобщенный взгляд на причины, предопределившие «невстречу» Солженицына и «Русской партии» при всем их напряженном идейном взаимодействии.

Ключевые слова: А.И. Солженицын, русский национализм, «Русская партия», «Молодая гвардия», «Новый мир», Виктор Чалмаев, С.Н. Семанов, Михаил Лобанов, А.Н. Яковлев, А.Т. Твардовский, А.Г. Дементьев, полемика толстых журналов, русское возрождение, конвергенция, образованщина, диссидентство, национал-большевизм.

Yegor Kholmogorov, Essayist. E-mail: holmogorow@yandex.ru

The Twelfth to Support the «Letter of the Eleven» Solzhenitsyn and the «Russian Party»: Aspects of Ideological Adjacency

Abstract. The article examines the attempts of some Western researchers to «whitewash» the name of Alexander Solzhenitsyn from «accusations» of Russian nationalism. These well-intentioned attempts aimed to prevent the exclusion of the Russian writer's name from the consensual field of modern Western academic culture, may lead to serious distortion in the understanding of Solzhenitsyn's work. One of the examples of such distortion is the idea of fundamental differences of the views of Solzhenitsyn and the members of the so-called «Russian Party» that formed in the 1960s-1970s around «Molodaya Guardiya» (Young Guard) magazine. On the basis of the episode described in Solzhenitsyn's memoirs «The Oak and the Calf» when he did not support Tvardovsky's «Novy Mir» magazine in its controversy against «Molodaya Gvardiya», the author analyzes the journalistic polemics around the articles «Inevitability» by Victor Chalmaev and «Enlightened Philistinism» by Mikhail Lobanov. After the publication of A.G. Dementiev's critical article that was seen by many as Russophobic and ideologically adversive, and the firm answer to it known as «The Letter of the Eleven», these polemics resulted in the dismissal of «Novy Mir» editorial staff including Tvardovsky and then dismissal of A. Nikonov – the editor-in-chief of «Molodaya Gvardiya». The author of the article shows that in spite of Solzhenitsyn's close relations with «Novy Mir» and his alienation with the circles associated with «Molodaya Gvardiya» magazine, he still was in agreement with the publicists of the «Russian Party» regarding most key issues of the ideological agenda of that time. This example of Solzhenitsyn's «disloyalty» to «his» magazine can be viewed as the source of his later evolution as publicist and political thinker who systematically entered into the controversy with the Russophobia of liberal intelligentsia and defended the interests of Russian nation. In the concluding part of the article the author suggests that the relations of Solzhenitsyn with the «Russian Party» could be described as «ideologically adjacent» (similar to the literary adjacency of Solzhenitsyn and Brodsky, described by Lev Losev), and also reviews the reasons that determined the «no connection» of Solzhenitsyn with the Russian Party in spite of their intense ideological interaction.

Keywords: A.I. Solzhenitsyn, Russian Nationalism, Russian Party, «Molodaya Gvardiya», «Novy Mir», Victor Chalmaev, S.N. Semanov, Mikhail Lobanov, A.N. Yakovlev, A.T. Tvardovsky, A. Dementiev, Literary Monthly Polemics, Russian Enlightenment, Convergence, Obrazovanshchina («Educationdom», «smatterers»), Dissidence, National Bolshevism.